

Степаненко К.Н.

Гусь с алмазами

Москва 2022

В тот ничем не примечательный осенний день, когда всё московское, да и чего уж там душой кривить – всё прочее прогрессивное человечество, жило ожиданием привычного праздника 7 Ноября, в невзрачно-стеклянном офисном здании на старой московской улице произошли два события.

Первое из них – хирургическое перевоплощение личного секретаря шефа одной из компаний, арендовавшей целых три этажа офисной высотки, вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Представительница типичного телефонно-кофейного планктона, со всех сторон плоская «серая мышь», на которую даже лифт при перегрузе не реагировал, нарастила себе «малибушную» грудь, подсадила волосы в голову, брови и ресницы, а еще - выпустила ногти! И всё это было облачено в совершенно новые шмотки, приобретенные явно не на ближайшем рынке.

Первым это заметил вахтер, отказавшийся сначала пропускать секретаря по её старому, еще «не отретушированному» пропуску. Закрыв, наконец, рот, он тут же оповестил свою хорошую знакомую в бухгалтерии той компании, а уж та... Через пятнадцать минут в служебный предбанник «тюнингованной» сотрудницы выстроилась очередь взбудораженных дам, у каждой из которых обнаружился срочный вопрос к виновнице переполоха. Утихомирив строгим окликом начальницы кадровой службы – «Не более двух минут!», они по одиночке просачивались к хирургической Галатее, наслаждавшейся своим триумфом. Быстро и тихо выползавшие из секретарского закутка, дамы тут же

группировались «по стайным интересам» и убегали на обсуждение. Через час к заветному кабинету потянулись и мужские особи, далее действовавшие по тому же принципу, что и их женские коллеги.

Видит Бог, ни в одной из кулуарных групп не было сказано ни одного доброго слова в адрес преобразившейся девушки. Самым лестным было сравнение объема новых ягодичек и груди с формой ладони босса.

«Злые вы, люди!» - сказала бы в ответ на злопыхательства коллег секретарша, потратившая на «тюнинг» не только отпуск, но и все свои накопления, а также весьма приличный банковский кредит. Пока же на все сказанные ей в лицо комплименты она тихо и счастливо улыбалась...

Это был её ЧАС! Момент триумфа, о котором она грезилась с того самого момента, когда в восьмом классе осознала, что природа – мать не планировала создать из нее даже не то, чтобы Идеал, а просто предмет восхищенных мальчишеских и мужских взглядов.

Второе событие, на фоне столь заметной для всех пластической эйфории, прошло гораздо менее заметно. Первым его свидетелем опять стал тот самый вахтер, так горячо обсуждавший тему «новых сисек» с очередным знакомым, что не сразу откликнулся на появление у его стойки молодежничавшего улыбчивого мужчины, спокойно предъявившего паспорт и сказавшего, к кому из той самой компании он пришел. На предложение подождать и пренебрежительный жест вахтера – «Отойди! Не до тебя!», мужчина просто вырвал у того трубку и так негромко сказал, не убирая улыбку со своего приветливого лица.

- Ты на службе, баран! В следующий раз засуну тебе трубку...!

И так спокойно и убедительно это сказал, что вахтер, не став перезванивать в названный ему кабинет, открыл турникет и пропустил визитера к лифтам, автоматически назвав нужный тому этаж.

Так в компанию пришел новый сотрудник. Пришел на специально созданную для него должность советника генерального директора компании, в заранее освобожденный и обставленный для него отдельный кабинет. В него, этот самый кабинет его проводил сам «высокий» руководитель, не перестававший повторять, как мантру:

- Молодец, Матвей, что принял мое предложение! Не пожалеешь! Всё, что обещал....

Устройство нашего героя на новую постоянную работу было вызвано целым рядом причин. Во-первых, привычка работать в коллективе глубоко укоренилась в сознании целой серии поколений соотечественников, где Матвей, видимо, принадлежал к последнему. Во-вторых, несколько месяцев «на вольных хлебах» явно приводили к разнеженности и утрате самодисциплины. Помимо тенденции к изменению контуров фигуры, следствием «ничегонеделания» становилась ленность мыслей и затухание интереса к познанию нового и интересного. Ну и третье, но не последнее - значения стабильного заработка никто не отменял, особенно в условиях ежедневной меняющейся конъюнктуры мирового рынка и, как любил говорить консьерж Митрич, «волатильности» цен на закуску.

Решающим фактором в выборе именно этой компании была её полная принадлежность государству и, хотя бы формально, закрепленная обязанность охранять интересы этого самого государства, чем и занимался Матвей все годы своей прежней «государевой» службы. А враги, как доверительно рассказали Матвею его друзья из разных коридоров власти, давно «облизывались» на сырьевой и производственный потенциал компании. «Легко не будет!» - сказал Матвею один из знакомцев, которому стоило доверять, и это окончательно убедило Матвея дать согласие на новое трудоустройство.

Тот же знакомец доверительно сообщил, что враги по-прежнему делятся на самых страшных – внутренних - «Ну с этими мы сами справимся. Туда не лезь!», так и внешних - «Вот это будет твоя забота!»

Ну интересно же...

И начались трудовые будни. Были многочисленные командировки в филиалы и структурные подразделения компании, целью которых для Матвея было знакомство с их руководителями. Свое мнение он излагал затем генеральному директору, с которым и вершил затем кадровые перестановки. Ибо, как известно, «кадры решают всё!» Понимая ответственность за судьбы людей и свою недостаточную компетентность в вопросах производства, Матвей стремился следовать старинному правилу врачей - «Не навреди!».

Но главной его задачей были иностранные партнеры компании, давно играющие на этом поле бизнеса и откровенно пытавшиеся откусить кусок пожирнее и подешевле от еще недостаточно опытной в международном хитросплетении денежных, сырьевых и производственных цепочек российской компании. Матвей честно пытался не быть совсем уж невеждой в этих вопросах, консультируясь с экспертами и читая всю доступную ему литературу. Он не раз благодарил судьбу за свой предшествующий опыт, позволявшей сразу выделить значимую информацию для составления более или менее стройной картинки.

Однако, наиболее ценным оказался опыт работы с людьми различных рас, вероисповеданий и психологических типов. Матвей отнюдь не страдал фобиями в отношении каких – либо национальностей или религий. Во-первых, опыт работы и неизбежные при этом контакты с самого разного рода людьми показали, что расовая принадлежность не всегда является мерилom порядочности. Поскольку наш герой и сам был отнюдь не ангелом, и понимал это, а ангелов «во плоти» вообще никогда не встречал, он старался быть объективным при оценке людей. Как советовали

философы от античных веков до наших дней, единственный способ сделать это – поставить себя на место оцениваемого человека. Но, чтобы влезть в «чужую шкуру», надо досконально знать и примерить на себя все условия, в которых рос и находится сейчас этот человек. Практически, речь идет о всем его жизненном пути, от рождения до нынешнего «модус вивенди». Сделать это в реальных условиях невозможно. И здесь очень помогают астрологические карты, где ты точно знаешь так называемый астрологами «дом» изучаемого, а именно географию места его появления на свет, точное время его рождения и еще ко-какие подробности, описанием которых я не буду докучать моему читателю.

Очень важны при составлении психологического портрета человека род занятий и вероисповедание родителей, образование и история его занятий в жизни, сведения о женах и детях, привычки, пристрастия в еде и других сферах восприятия окружающего. Много интересного о человеке сообщает его внешний вид, манера разговаривать и темп речи. А уж движения рук и мимика лица, не говоря уже о походке и манере сидеть, ходить и слушать!

Полную картину можно получить, лишь проведя с объектом изучения несколько лет на необитаемом острове или тюремной камеры. Только тогда можно с уверенностью сказать – «Теперь я знаю его!», или - «Теперь я могу сказать, что знал его!», но это в том случае, когда такое детальное изучение почти неизбежно приведет к полному неприятию...

Понятно, что такую полную картину не удавалось получить почти никогда, но даже по отрывочным данным Матвей научился составлять представление о человеке, почти не ошибаясь в своих выводах и суждениях.

Принимая участие в переговорах с иностранными партнерами, Матвей видел их сущность, чувствовал мотивы и

нюансы поведения. Он четко определял степень правды и лжи в доводимой партнерами информации, видел уровень их компетенции и истинность целей. Российские коллеги Матвея были, вне всякого сомнения, искушенными и опытными людьми, но иностранцев они видели лишь в кино или, в лучшем случае, во время своих туристических поездок, то есть, не знали их психологии.

А такие мелочи, как ненароком сказанное иностранцем слово или фраза на языке, которого, по их мнению, не могли понимать их русские партнеры. А Матвей мог!

За свою не такую долгую, но насыщенную, «государеву» службу Матвей сталкивался, общался и работал с представителями разных этнических и религиозных групп. Нельзя сказать, что он стал страдать ненавистью или патологической нелюбовью к каким-то этносам или религиям. Судьба научила, что среди якобы «своих» встречается не меньшее количество отрицательных человеческих качеств, а «иные» проявляют большее сострадание, порядочность и преданность, чем это можно было от них ожидать, если следовать навязанному кем-то стереотипу. Именно в этом – неоправданном ожидании и придумывании наличия у собеседника несуществующих достоинств и обусловлены наши основные ошибки в человеческом общении. Зачастую, при кратковременном первичном или мимолетном контакте с человеком сложно сразу составить о нем добротное впечатление, позволяющее прогнозировать поведение или реакцию собеседника. Потому так важны нюансы – мимика, манера держаться, моторика жестов.

А глаза! А внешний вид! А заранее составленный психпортрет главного импортного переговорщика на основе его биографических данных! В великой мировой помойке – Интернете ведь можно найти всё, включая полезные для астрологического прогноза место и время рождения.

А, каково?!!

Сначала посмеивающееся над этими «причудами» Матвея, руководство компании скоро изменило свое мнение, поняв пользу (и финансовую выгоду) нового сотрудника.

«Ты прямо как Иван Грозный, который рентген изобрел – всех насквозь видишь!» - словно в шутку сказал ему однажды во время «обмытия» одной удачной сделки генеральный директор. Затем, выпив еще одну, добавил, будто в раздумье, - «Значит и нас всех ты... вот так видишь?». Остальные присутствующие несколько напряглись и, вопросительно замолчав, посмотрели на шефа. Но не дождавшись реакции Матвея и продолжения мыслей «вслух» своего начальника, все скоро вернулись к более приятному занятию.

Сам же Матвей, очень любивший классику афоризмов, вспомнил Штирлица с его «запонимающейся последней фразой» и тут же вбил себе в долгую память этот «тревожный звоночек» от своего нового работодателя.

«Первый раз прощаю, но, если еще раз повторит, надо будет думать о смене работы...» - уже не совсем трезвый мозг Матвея сработал автоматически хорошо и дал команду – «Идти домой!».

Команда была выполнена остальным телом быстро и аккуратно.

Развития эта ситуация не получила, кроме приказа шефа начальнице кадровой службе - передавать Матвею все данные на сотрудников «по первому требованию» и визировать у него все кадровые перестановки. Естественно, это вызвало всплеск доверия и любви всех сотрудников к новому советнику, а также кратковременный шквал взаимных доносов, стекавшихся в его кабинет!

Так и текли ровной чередой рабочие будни Матвея.

Пока однажды...

Накануне шеф объявил Матвею, что тот примет участие в очередном раунде переговоров с представителями крупного европейского концерна, давно проявлявшему интерес к одному из числящихся на балансе их компании месторождению редких металлов. Месторождение было законсервировано в силу нерентабельности организации промышленной разработки в том «забытом Богом и людьми» уголке нашей необъятной Родины, где лишь великий Советский Союз мог позволить себе добывать нужные его военизированной промышленности минералы, не считаясь с затратами.

Как и положено, Матвей просмотрел всю возможную и доступную ему информацию на иностранный концерн, не найдя ничего особо интересного. Обычный хищник мирового бизнеса, скупающий, а затем перепродающий промышленно-сырьевые активы, ориентировавшийся, в соответствии с мировым (чуть не сказал – трендом, но в силу ненависти к засоряющим русский язык иностранным словам, взялся за ум...) курсом на электронную промышленность.

Внимание Матвея привлек возглавляющий иностранную делегацию вице-президент того самого концерна. Владелец красиво звучащей голландской фамилии – де Йонг, он носил не менее экзотическое имя – Даан, словно выставляя напоказ свое нидерландское происхождение. По-русски он звучал бы, как Даня (Даниил) Младший (или Младшой?). Вот уже и не так страшно...

Но дело было не в имени, а в фотографии голландца. На снимке, явно сделанном профессиональным фотографом на каком-то официальном мероприятии, подтянутый и темноволосый мужчина средних лет получал из рук высокого сухопарого блондина неопределенного возраста (ну, типичного голландца!) какую-то призовую фигурку. Судя по натянутым улыбкам награждаемого и награждающего, приз не был особо ценным. Но внимание Матвея привлек не приз, а татуировка на руке де Йонга, «выехавшая» из-под манжеты его белоснежной рубашки и

прекрасно различимая на его столь же белой коже. Птица, распростершая в полете свои крылья! На хищного ястреба, орла или сокола не похожа контурами своего откормленного тельца. Скорее, утка... Или гусь?!

Гусь? Память тут же услужливо дала подсказку. Дикий гусь! Символ наемников, которых колониальные империи, а позднее и заменившие их транснациональные компании, активно использовали в Азии и Африке против попыток местного населения вырваться из-под их влияния.

Голубое, местами слегка выгоревшее небо в просветах между кронами величественных деревьев африканских джунглей. Циклопические стволы, обвитые похожими на гигантских змей лианами (или уже стволами новых деревьев?), наводили на мысль о том, что под этими кронами когда-то паслись, а может – и сейчас пасутся, стада могучих мамонтов и летают стаи кровожадных ящеров. Впечатление нереальности окружающей обстановки дополнялось каскадами звуков, где треск и оглушительные крики испуганных тысяч попугаев перекрывал ровный и постоянно звенящий гул мирриадом насекомых, летающих, ползающих и просто с любопытством взирающих на продирающихся сквозь лесные дебри людей в пропотевшей и порядком оборванной военной форме и амуниции. Не обученные пробираться по джунглям бесшумно и безопасно - для лесных обитателей, они, по всей видимости, производили не меньший шум, внося свою лепту в многоголосие африканской природы. Потеряв - один на mine, второй – по причине его отправки с двумя ранеными советским советниками в ближайший медпункт, оба своих автомобиля, маленький отряд продолжал доблестно исполнять свой интернациональный долг, срезая напрямик, через заросли, петлю грунтованной дороги. Этот маневр, по мнению командира их группы лейтенанта Мигеля, или, как ласкательно его называли в отряде – Мигелито, гордого своим происхождением с Острова

Свободы и дипломом военного училища не менее свободного города Краснодара, должен был сэкономить им почти сутки пути и избавить от опасности пользования общей дорогой.

-Там могут быть засады, компадре, мины, да и увидят нас все враги. Пропадет элемент неожиданности...- убеждал Матвея вчерашний кубино – краснодарский курсант, отбывающий первую «боевую» командировку в этой, относительно спокойной, африканской стране «побеждающего революционного сознания».

Много их тогда было, революционно настроенных кубинцев, воевавших почти во всех «горячих» точках мира. Сейчас появилось много желающих бросить тень на эту политику Ф. Кастро, опорочить действительно бескорыстно воевавших за идею представителей Острова Свободы, искренне веривших в возможность быстрого перелома социального сознания. Но тогда это были наши боевые братья, умеющие дружить и воевать.

Не все, наверно, помнят те кадры военной хроники из воюющей с «империалистическими наемниками» и «расистами из ЮАР» Анголы, где батареей ангольских артиллеристов командует «ангольский» же офицер. «Фуэго!» (т.е. «Огонь!») - командует он по-испански, на языке, на котором говорят на Кубе. Мало кто тогда в нашей стране знал, что «Огонь!» по-португальски будет – «Фого!».

Искренне друживший с лейтенантом Мигелем Матвей, тогда еще зеленый выпускник московского лингвистического вуза, волею судеб и «естественных потерь» их отряда, ставший, по общему согласию бойцов отряда, из простого переводчика заместителем командира, не мог не согласиться с мнением военного.

Были сомнения относительно «засад, мин и элемента неожиданности», но тащиться сто пятьдесят километров по пыльной африканской дороге, под палящим солнцем, без всякого шанса поймать попутку для восьми вооруженных солдат – иностранцев...

И они пошли по лесу. На исходе второго дня пути, когда удалось, наконец, определить точку своего нахождения и связаться со штабом по израненной рации, поняли, что до пункта назначения им идти еще столько же (в лучшем случае), а к началу планируемой операции они опоздали. Старший штабной командир, на своем бойком испанско-кубинском языке долго ругал лейтенанта Мигеля, который оправдывался лишь тем, что выполнял приказы «Эль советико», то есть, как понял Матвея, именно его. Когда аккумулятор рации почти умер, микрофон в штабе перехватил знакомый Матвею переводчик из родной военной миссии.

- Матвей, слушай меня внимательно. Не кипешуй! Операцию всё рано местные прос...ли, так что претензий к вам не будет. Хорошо, что живы, а то замполит уже внес тебя в списки награжденных. Посмертно. Теперь вычеркнет...

Идите по запасному варианту отхода. Там через три дня будут наши вертушки. На них сможете вернуться.

Да, маску мне привези. Там, говорят, на границе, в племени фульбе, красивые маски режут.

Рация зашипела, показывая стрелкой полную смерть батареи. Перспектив достать новое питание не было, тащить на себе лишние 10 кг никому не хотелось. Взвесив все «за» и «против», Матвей решительно повесил бесполезную рацию на дерево. Решив (про себя) списать это, изрядно поврежденное, изделие советского ВПК на «боевые потери», он громко сказал – «Пусть повисит, наши потом подберут!», и решительно шагнул в сторону, успев поймать благодарственный взгляд кубинского пацана, бойца-интернационалиста, которому пришлось бы тащить эту кучу искореженного металла на своих далеко не могучих и уже стертых в кровь плечах.

Явно «севший в лужу», лейтенант Мигель не стал возражать и, достав карту, молча показал место, куда им следовало идти. Небольшая деревушка рядом с условной границей с соседней

страной. Надо сказать, что границы на африканском континенте весьма условны и определяются только тем, власть какого губернатора признает старейшина той или иной деревеньки. Потом уже идут налоги и почта (если они есть), школа и церковь, говорящие на языке той колониальной метрополии, которая ранее владела этой территорией.

Воодушевленные тем, что теперь у них появилась более близкая цель похода, где реальна возможность безопасной эвакуации на советских вертолетах – а качество этой техники и мастерство наших пилотов давно заслужили самую высокую оценку на этом континенте – усталые бойцы словно открыли в себе второе дыхание и резво устремились вперед. Но, как подозревал Матвей, наибольший заряд бодрости воинам-интернационалистам придала Бог весть как дошедшая до них информация о том, что планируемая операция по уничтожению «кого-то-там страшного» провалена не по их вине. Это означало бескровный исход похода и отсутствие угрызений совести перед неизбежной отправкой на родину.

Эту «совершенно секретную» информацию довел до своих бойцов лейтенант Мигелито, хорошо понимавший после краснодарского пехотного училища любую русскую лексику и слышавший разговор Матвея со своим знакомым из штаба. Но этот жест отчаяния не способствовал поднятию авторитета молодого лейтенанта, который, под неодобрительные взгляды «интернационалистов», добровольно перешел в хвост их походной цепочки, замыкая своими понурыми плечами отряд бравых бойцов за свободу африканского континента.

Так, бредя замыкающим, он неожиданно для себя забыл о предстоящих суровых беседах с большими начальниками в штабе и стал наслаждаться беспечным пением тропических птиц, стрекотанием невидимых насекомых, чудесной игрой солнца на зелени и изогнутых стволах буйного леса. Он немного отстал, а уж,

отойдя в сторону по естественной нужде, совсем потерял из вида спину впереди идущего бойца.

От резкого удара по голове он сразу потерял сознание и уже не помнил, как с него сняли автомат, нож и прочую боевую амуницию. Затем ему ловко и прочно связали руки и ноги, и, просунув под узлы прочный бамбуковый шест, легко и грациозно понесли куда-то «под сень ветвей» на своих могучих плечах статные африканцы. Болтаясь, как охотничий трофей, он зацепился своим тощим рюкзаком за ветку, порвал истлевшую ткань и лежавший в рюкзаке пакет с кукурузной мукой.

Вот по следам этой муки, да еще по пятнам крови из разбитой головы беспечного лейтенанта, его путь и проследили бойцы Матвеевского (теперь) отряда, среди которых, к счастью, оказался местный житель, выполнявший обязанности проводника.

Взять Нгабе в качестве проводника Матвею, который фактически выполнял функцию посредника в отношениях с местным населением, рекомендовал старейшина одной из деревень, где около недели стоял отряд. Старейшина, он же вождь, он же лекарь – колдун, за время частых совместных посиделок у костра проникся к Матвею симпатией, с увлечением рассказывая заинтересованному собеседнику о местных обычаях, истории племен. Да и вообще – о душевном.

Узнав, что отряд покидает деревню и идет на восток, вождь настоятельно посоветовал взять с собой местного охотника Нгабе.

- Он не просто хороший человек и мой друг. Он тебе сильно пригодится. Поверь мне, - положив руку на плечо Матвея и пристально глядя тому в глаза, говорил вождь.

И Матвей поверил. Тем более, что проводник был им нужен, а у самих кубинцев, составлявших большинство их отряда, не особенно получался контакт с местными.

Как только пропажа Мигеля была обнаружена, Нгабе, этот тихий и неприметный человек, возраст которого выдавали лишь морщины и редкая седина вьющихся волос, преобразился. Ранее скромно державшийся в стороне от остальных бойцов и даже отказавшийся от предложенного ему огнестрельного оружия, он словно нашел свое истинное лицо. Покрикивая на своем наречии на сбежавшихся бойцов, он заставил их не затапывать следы, долго рассматривал отпечатки одной пары обутых ног и нескольких босых, даже нюхал их и попробовал на вкус каплю крови. Затем, картинно изобразив глубокое раздумье, стал ходить кругами вокруг места похищения.

Когда терпению Матвея и остальных обеспокоенных бойцов стал приходить конец, проводник остановился и в странном танце – пантомиме показал им сцену пленения лейтенанта. Ему удалось изобразить захваченного врасплох Мигеля и удар дубиной по голове бедного лейтенанта, его унижительное стреножение и подвеску на шест. Правду говорят, что все жители африканского континента – артисты. Да, они гротескны, да, они примитивны. Но это с нашей, европейской, точки зрения. Но они абсолютно точно передают детали и картину происходящего. И потому – достойны одобрения!

Показав зрителям картину произошедшего и заслужив знаки одобрения своему артистизму со стороны кубинцев, Нгабе подошел к Матвею, сразу выделив в нем старшего. С трудом находя слова на португальском языке – а именно Португалии принадлежала несколько веков та страна, на территории которой они находились – проводник сказал.

- Это были фульбе. Или их родичи – маланке. Они приходят на наши земли за добычей. Им нужны наши девушки, чтобы рожали им детей, наши юноши – как рабы, наш скот и запасы еды.

Из дальнейших объяснений проводника Матвей, хорошо изучивший историю этих мест, понял, что обитающие на

территории соседней Гвинеи народности – фульбе, коно и герзе, затаили великую обиду на белых военных наемников, которые в 70-ые годы XX века участвовали в нескольких вторжениях на их земли. Тогда, как и сегодня, речь шла о природных богатствах Гвинеи, ее золоте, алмазах, железных и бокситных рудах, во имя обладания которыми белые наемники, «дикие гуси», совершили множество кровавых преступлений против коренного населения этой страны.

Нгабе сказал, что на территории соседней Гвинеи нет русских и кубинцев, «белых, которые не несут насилия», но там по-прежнему есть «белые наемники», цель которых – грабеж и убийства. Поэтому, по его словам, отряд фульбе (или маланке, или коно, или герзе - в «черной» Африке у населения нет понятия гражданства, а лишь племенная принадлежность), не понимая разницы между вооруженными белыми, просто взял с собой Мигеля.

На вопрос Матвея – «А зачем взял?» - проводник хитро усмехнулся.

- Это – потом. Сейчас спешить надо. До ночи. Потом – поздно...

Основной состав отряда со всей амуницией, по настоянию проводника, они оставили на месте, приказав разбить лагерь и готовиться к обороне. С собой Нгабе отобрал Матвея и пару кубинских солдат, проявивших свое умение двигаться в джунглях и хорошо владевших своими ножами - мачете. Избавившись от лишнего, цепляющегося и шумящего, группа скользнула в лесные дебри. Из оружия оставили себе только пистолеты и ножи, ибо те, кто ходил по джунглям с длинномерным оружием, знает, как это шумно и непросто.

Да еще, в тайне от проводника, тщательно проверявшего и даже нюхавшего всё снаряжение, Матвей сунул себе в карман брусок взрывчатки, а кубинцам взглядом приказал взять по гранате.

Сюрпризы разные бывают!

Нгабе вел их уверенно и быстро, ориентируясь по сломанным веткам, едва заметной дорожке муки и редким каплям крови. Вскоре он дал знак остановиться. Через мгновение Матвей и сам услышал звук лагеря. Повеяло запахом походной стоянки, где к ароматам готовящейся на костре еды примешивался тонкий фимиам напуганных неизбежной кончиной куриц и коз, а также человеческих испражнений. Слышались удары в большой барабан. Судя по радостному гулу голосов, обилию тюков, связанных пленных и загнанных во временные загоны коз, коров и кур, мародерство прошло победоносно. И налетчики ликовали вокруг большого костра, где готовилось какое-то действо.

Нгабе подвел их прямо к лагерю. Беспечные грабители, уверенные в своей безнаказанности, не выставили постов охранения (набег, обычное дело, завтра уже дома будут хвастаться добычей...). Они даже не стали сторожить границы лагеря, сгрудившись вокруг центральной хижины, перед которой и был разложен большой костер.

Расположившись прямо за этой хижинкой, четверо «спасателей» хорошо видели происходившее. На площадке, хорошо освещаемой пламенем большого костра, стояло около сотни африканских воинов в боевой раскраске. Вооружены они были копьями и длинными ножами. У некоторых были ружья, явно не из современных арсеналов. Воинственно покрикивая и синхронно топчя босыми ногами чужую землю, они ритмично двигались в такт ударам в большой барабан.

Удары в барабан участились, и на площадку перед костром несколько ярко раскрашенных воинов вывели двух человек в военной форме цвета хаки, со связанными за спиной руками и в соломенных мешках – масках на головах. В одном из них Матвей сразу узнал лейтенанта Мигеля.

После трех резких ударов по натянутой шкуре, барабан смолк. На площадке воцарилось молчание. Взоры всех африканцев были устремлены к входу в большую хижину, за которой притаились наши «спасатели».

Медлить больше было нельзя. Не известно, кто мог появиться из хижины, но ничего хорошего это появлению ни Мигелю, ни его сотоварищу по несчастью это бы не принесло. Даже зная страсть африканцев затягивать паузу дольше, чем это делали великие актеры системы Станиславского, Матвей понимал, что у него не более пяти минут.

Заглянув сквозь неплотно пригнанные ветки шалаша внутрь, он увидел небольшой костер, в свете которого стоящий спиной к Матвею огромного роста африканец яростно намазывал своё и без того блестящее в свете огня тело какой-то густой и темной маслянистой жидкостью. На стене хижины висела длинная, сплетенная из волокон рубаха, украшенная нашитыми перьями, косточками и какими-то блестящими предметами. Вершила её огромная шапка – маска, похожая на те, что были на пленниках.

Не успел Матвей составить план рукопашного боя и захвата в плен этого масляного великана, как Нгабе, вставив в другое отверстие стены какую-то трубочку, резко дунул в неё. Маленькая стрелка – игла попала африканцу в спину, в основание шеи. Огромное, черное и блестящее тело дернулось в судорожном спазме и упало. Хорошо, не в костер... Даже связать такого гиганта и заткнуть ему рот было непросто, и Матвей восхищался умелыми действиями худощавого Нгабе. «Ай да старик – проводник! Не зря мне тебя настоятельно рекомендовал знакомец вождь, он же шаман, в той деревушке... Видимо, есть у вас что вспомнить из бурной молодости!»

Пока мозг думал эту интересную мысль, руками Матвей быстро снял с себя линялую армейскую майку и такие же брюки, быстро намазал себя той же жидкостью (с удивлением отметив её

совсем не противный запах). Затем – шаманская рубаха и шапка – маска. Взяв в левую руку брусок динамита (вот и пригодился!), а в правую – висевший на стене нож колдуна и приказав кубинцам – «К бою!», он решительно вышел из хижины.

Темнота и мерцающее пламя костра не позволили собравшимся разглядеть огрехи в нанесенной Матвеем на свою белую кожу черной тональной краске, а мешковатая рубаха и огромная шапка – маска скрыли отнюдь не богатырский рост лжеколдуна. Понимая, что обман долго не продержится, Матвей высоко поднял руку с ножом и направился к пленным. Вскинутыми копьями африканцы бурно приветствовали явно выраженное намерение своего колдуна. Подойдя к связанным пленниками, Матвей жестом приказал их охранникам отойти в сторону.

Далее события развивались стремительно. Гораздо быстрее, чем вдумчивый читатель охватывает взглядом эти строки.

Кинуть в костер взрывчатку, броситься на пленных, увлекая их на землю, сорвать с себя шапку и разрезать ножом веревки, связывающие им руки – дело пары секунд. Затем – взрыв, крики и прицельный огонь из двух кубинских пистолетов. Затем еще два взрыва гранат... И вот они уже бегут к своему лагерю.

Погоня замешкалась минут на пятнадцать. Но этого времени им хватило, чтобы добежать, а их товарищам – открыть прицельный огонь, разметавший толпу незадачливых похитителей.

Послушавшись мудрого Нгабе, уверенно сказавшего – «Преследовать не будут. Быстро уйдут домой. Добычу надо увести. Каждому больше достанется», пошли спать. Расставив, конечно, дозоры.

Расспрашивать освобожденного вместе с Мигелем белого в камуфляжной форме Матвей не стал. Не стал он его и связывать. Налив стакан кубинского рома и накормив, чудом спасшегося бедолагу положили спать. Пока поняли лишь одно – спасенный не понимал ни по-португальски, ни по-испански, ни по-русски. Кое-как

удалось выяснить, что он – бельгиец, зовут его – Пьер, а в джунглях он сопровождал группу геологов, работавших на территории Гвинеи.

Один из кубинцев, ранее уже бывавший в командировке в Африке и повоевавший в Анголе с повстанцами и военными из ЮАР, сказал тогда Матвею, что узнал татуировку на руке этого «Пьера». Он уже видел такие изображения гусей на руках наемников, воевавших на стороне противников ангольского режима.

- Там были всякие. Белые, черные, азиаты. Из разных стран. Воевали за деньги. Очень жестокие. Без сердца. Убивали и женщин, и детей, и стариков. Мы их в плен не брали. Расстреливали на месте. У этого – такая же наколка. Будь настороже.

Матвей тогда скептически воспринял предостережение кубинца, но лег спать неподалеку от «Пьера», вздрагивая и просыпаясь при каждом шорохе. За ночь «Пьер» не убежал, никого не убил, с аппетитом позавтракал и встал в колонну рядом с Матвеем, пытаясь найти общий язык общения. Это несколько сняло подозрения, хотя Матвей видел, что рассказавший ему про наколку «гуся» кубинец не спускает глаз с «Пьера» и держит свой автомат на боевом взводе.

На переходах и коротких привалах «Пьер» и Матвей пытались разговаривать. В итоге, была выбрана международная смесь английского, который неплохо знал Матвей, и французского, на котором, в силу своего «бельгийского происхождения», разговаривал «Пьер». Принадлежа к одной языковой группе, эти два языка содержали много родственных слов, и, в силу исторической общности, были взаимно понятны.

А иначе как франкоязычные нормандцы общались с англосаксами в ходе обоюдных завоеваний!

Матвея настораживал лишь акцент «Пьера». Как у выпускника лингвистического вуза, у него был слух на интонацию и звучание различных наречий, что позволяло ему быстро адаптироваться к любым типам говора. Французский язык он часто слышал на обычных в Москве просмотрах иностранных фильмов, когда не дублированную речь актеров дополняли либо титрами, либо «живым» переводом. И акцент «Пьера» явно отличался от классического галльского говора французских актеров. Успокаивая себя тем, что в Бельгии могут говорить на ином, по звучанию, французском, Матвей, тем не менее, не мог преодолеть в себе сомнения.

А как говорили классики – даже маленькое сомнение рождает большое недоверие!

А «Пьер», нашедший собеседника и благодарный за свое чудесное спасение, говорил, не умолкая. Он рассказал, что его предки вот уже несколько веков живут в Гвинее; сам он получил образование инженера в Европе, но вернулся к семье. Отец разорился после получения Гвинеей независимости, и «Пьеру» пришлось наниматься на разную работу, чтобы прокормить родителей и сестер. Вот и к этой группе геологов он нанялся в охранники, чтобы заработать, но попал в плен, и лишился заработка.

Возвращаясь к теме своего освобождения, «Пьер» сумел объяснить Матвею, что захватившие его и Мигеля представители одного из племен народности фульбе исповедуют религию вуду. Религия практикует приношение в жертву плененных воинов. Особенно ценятся захваченные белокожие. Умерщвление производится колдуном бескровно, только наложением заклинания. «Пьер» утверждал, что врачи в Гвинее вскрывали тела умерщвленных таким образом жертв и не находили в них ни внутренних повреждений, ни каких-либо смертельных микроорганизмов. Просто кровь была сгущена до желеобразного

состояния, а ее жидкая часть – лимфа – вошла в мышцы тела, которые затвердевали.

А нож, по словам «Пьера», был у шамана для того, чтобы отделить после смерти голову жертвы и проколоть его сердце. Голову жертвы поклонники культа вуду хранят как талисман от злых сил, а сердце протыкают, чтобы дух убитого не превратился в зомби и не преследовал убийцу. «Пьер» также утверждал, что многие коренные жители Гвинеи сами просят отделить их головы от тела после смерти и пронзить ножом сердца. «Они боятся сами стать зомби!» - трагическим голосом вещал «Пьер», не способствуя хорошему настроению Матвея.

На последней стоянке перед пунктом сбора «Пьер», дождавшись, когда бойцы разойдутся, подсел к костру Матвея. Был он непривычно тих и немногословен.

- Хочу поблагодарить тебя, Мэтью, за свое освобождение и такие приятные беседы по пути сюда. Я ценю твою готовность взять меня, незнакомого тебе человека, с собой и вывезти отсюда. Ты и твои кубинцы – очень приятные люди, хотя совсем для меня непонятные. Хотел бы сказать больше, но на нашей смеси языков я не смогу тебе всего объяснить, а русского я не знаю и никогда, видимо, не смогу выучить. Учи французский, у тебя получится. И тогда, при новой встрече, поговорим.

- А она будет, эта новая встреча? – спросил тогда Матвей, чувствуя, что «Пьер» прощается с ним навсегда и нащупывая, на всякий случай, рифленую рукоятку пистолета в своем кармане.

- Будет. Мне это колдун нагадал, - грустно ответил «Пьер», - и не лезь за оружием, я не причиню вреда ни тебе, ни твоим людям. А вот тебе на память обо мне маленький подарок- он протянул Матвею маленькую фляжку в чехле из грубой буйволиной кожи.

-Это – всё, что у меня есть действительно ценного. Она помогала мне, надеюсь, поможет и тебе. Спокойно ночи!

И «Пьер» ушел в темноту, словно растворившись в ней.

Матвей тогда долго не мог уснуть. Он сидел у костра, думал над последними словами «гвинейского бельгийца Пьера» и вертел в руках прощальный подарок. Во фляжке что-то булькало. О том, чтобы попробовать содержимое на вкус, не было и речи. Но и вылить сразу, в костер, тоже нельзя. Не вежливо. А вдруг «Пьер» наблюдает за ним из темноты? Опять европеец скажет – «русские варвары!»

Утренний сон всё же сморил Матвея, так и сидевшего у потухшего костра. Его разбудило прикосновение к плечу.

- Вставай, друг! Все уже построились. А наёмник ушел!

- Какой наёмник? Куда ушел? – не понял спросонья Матвей. Но взглянув на разбудившего его лейтенанта Мигеля, всё вспомнил. И, глядя на сердитое лицо Мигеля, не счёл нужным промолчать:

- Мы не знаем, кто он. Для нас он был гражданский, попавший с тобой в плен. Вреда он нам не нанес. Пусть уходит. Не тащить же его в штаб! Ты хочешь там объясняться, как вы вместе очутились в плену? Я – не хочу ничего и никому рассказывать.

- Нет, нет! Правильно сделал, что прогнал его! – Мигелито, наивный, думал, что сможет избежать длительных объяснений с начальством.

В деревушке, к окраине которой они вышли точно в назначенное время, Матвей успел обменять свои старенькие советские часы на пару красивых масок. В придачу ему вручили кокосовый орех. Сам он никогда бы не смог вскрыть этот бронированный плод, но кубинец ловкими ударами своего мачете рассек орех на несколько кусков. И, уже сидя в вертолете, бойцы дружно хрустели белоснежной начинкой, выгоняя из памяти все плохие воспоминания и предвкушая скорую отправку на родину. Пока они ждали вертолет, Нгабе, также тихо, исчез.

Тогда они благополучно прилетели в столицу, в советскую военную миссию. Мигель, как командир группы, был вызван на доклад к своим начальникам, а Матвей – кому нужен какой-то там переводчик – пошел по своим делам.

Найдя своего коллегу, помогшего их группе выйти к вертолетам, Матвей вручил тому маску и заодно выяснил, что кубинское начальство «каким-то образом» узнало о пленении лейтенанта Мигеля и его героическом освобождении «вместе с каким-то гражданским белым» его же бойцами. По словам коллеги - переводчика, кубинских бойцов поощрили своевременной отправкой на родину. Лейтенанта же Мигеля, как образно выразился всё знающий коллега – «унизительно нахлобучили» и оставили на второй срок в Африке, дослуживать и «отбеливать свое честное офицерское имя».

Матвея же, как «строго по секрету» рассказал его коллега – штабист, уже вставили в список улетающих домой ближайшим «бортом».

- Из списка на награду тебя, как выжившего, исключили. Но если хочешь медальку, могу тебя продлить еще на год! – злорадствовал штабной, имевший уже две медали «За отличие в воинской службе». Но взглянув на подаренную ему маску, хитро скалящую зубы прямо в лицо геройского штабиста, а затем на запыленные походные ботинки Матвея, он бойко развернулся на носках своих лакированных, явно неуставных, паркетных туфелек, и упорхнул «вершить великие дела».

До вылета оставались сутки

Матвей, помывшись, наконец, в душе (с мылом!) и «под шумок», в группе других, вернувшихся «с земли» советников, сменил свои истрепанные камуфляжные брюки и майку на новые. Затем, набравшись наглости и шалея от собственной смелости, выпросил (за свой трофейный браунинг) у начсклада новый кожаный ремень.

Затем, проведя ревизию и зачистку своей дорожной сумки, наш герой отправился на местный рынок.

С учетом катастрофической и постоянной инфляции, товарообмен на африканском рынке совершается, в основном, на бартерной основе. Постоянно работающие на этом континенте иностранцы, получающие твердую валюту и имеющие свои продовольственные источники, расплачиваются за продукцию африканских фермеров и ремесленников спиртным, сигаретами и сахаром. Матвей, не получавший на руки продуктов питания, мог предложить на обмен скромный набор советского командированного. И так, за ни разу не использованные кипяtilьник, маленькую электрическую плитку и механический будильник были получены искусно вырезанная маска, в пару к той, что была выменяна им в приграничной деревушке, и картина, написанная в настолько фантазмагорической гамме красок, что, человек, никогда не бывавший в Африке и не видевшей это собственными глазами, мог принять её за творение умалишенного.

Экзотическими плодами, несмотря на такое желание, порадовать своих близких в Москве Матвей не мог, зная, насколько жестоко советские таможенные органы пресекали провоз всего, что, хотя бы отдаленно, напоминало бактериологическое оружие.

Вернувшись в свою комнату офицерского общежития и поужинав в столовой, Матвей полюбовался приобретенными сувенирами и уложил их в сумку. Затем, воспользовавшись тем, что был в комнате один – обитатели остальных трех кроватей были в командировках, он сел к столу и достал прощальный подарок «Пьера» - фляжку в чехле из буйволиной кожи. Во фляжке что-то по-прежнему булькало, но Матвей, точно не хотевший рисковать перед вылетом на родину, решил вылить содержимое в раковину. Начав этот увлекательный процесс, он был удивлен дважды.

Во-первых, судя по запаху выливаемой жидкости, это был прекрасный, по всей видимости, односолодовый виски, никак не вязавшийся с африканскими джунглями и образом «безработного Пьера».

Во-вторых, жидкости во фляжке было значительно меньше, чем это казалось по её внешнему объему.

Обмер фляжки и замер объема входящей в нее жидкости показал разницу почти в сто граммов. Внимательно осмотрев фляжку и ее чехол, Матвей заметил, что прошивающие чехол нити были разнородны и явно перешивались несколько раз. Взрезав неразлучным перочинным ножом эти нитки, Матвей извлек из буйволиного кожуха... два сосуда. Один, с завинчивающейся крышкой, был обычной фляжкой. Но в кожухе эта фляжка, через мягкую прокладку, стояла на втором сосуде, больше похожем на гильзу, в которой солдаты мировых войн хранили свои личные данные на случай ранения или смерти.

Крышка этого второго сосуда уже не завинчивалась, но очень плотно надвигалась. Когда Матвей с усилием смог открыть эту крышку, сначала ему пришлось извлечь пыж – кусок пакли, плотно прижимающий содержимое сосуда. А затем на стол посыпались камушки. Небольшие и мутные, они напоминали гранулы крупного кварцевого песка. Было их штук пятнадцать, а размером они были до сантиметра в длину.

Алмазы! Знаменитые гвинейские алмазы!

Матвей первый раз видел воочию неограниченные алмазы.

Сокровища советского Алмазного фонда, где Матвей неоднократно бывал с экскурсиями и даже сдавал экзамены на обязательный в их вузе диплом «гида-переводчика по музеям Кремля», поражали его блеском и обилием сверкающих камней. Но они были настолько совершенны, и их было так много, что они уже не воспринимались как нечто реальное и осязаемое. Творения виртуозов – огранщиков не смотрелись, как обычные украшения в

ювелирном магазине. Их не хотелось примерить или иметь в собственном пользовании. Это – как картины Мастеров в музее, которые никому в голову не придет представлять на стене своей квартиры. Те бриллианты были просто идеалом, эталоном, предметом национальной гордости за величие и могущество Державы.

А эти – живые алмазы, лежали кучкой перед ним, их можно было потрогать, покатать на ладони. Глядя на эти невзрачные камушки, даже представить себе было сложно, что именно может сделать из них огранщик. Не говоря уже о том, какое творение выйдет из рук ювелира, вставившего этот бриллиант в достойное обрамление.

Матвею даже в голову не пришло попытаться оставить алмазы себе. Потом уже, анализируя ту ситуацию, Матвей приходил к выводу, что сдерживающим фактором была не осознаваемая невозможность реализации камней и не незнание их реальной стоимости. Просто была с детства усвоенная установка – «Нет! Это принадлежит всем! Стране. Её людям. Брать себе нельзя!»

Выбор был только в том, сдать ли находку прямо здесь или отвезти в Москву.

Сдать алмазы прямо на месте означало длительные разборки с командированными особистами, которые сразу увидят в Матвее потенциального врага и возможность сделать собственную карьеру на раскрытии такого громкого и «сверкающего» дела. Потому они будут месяцами изнурять его допросами и объяснительными. Главное – он пропустит свой рейс домой без надежд на следующий.

Значит, надо попытаться везти алмазы в Москву.

Надо отметить, что в те времена еще не стояли во всех транспортных терминалах рентгеновские камеры, а досмотр осуществляли очень квалифицированные сотрудники (и сотрудницы) погранслужбы. Матвей решил, что, если у него и

обнаружат эти камушки, он сразу же назовет имя своего «куратора» из Управления погранвойск, который и оформлял его в эту командировку. Погранвойска входили во всемогущее ведомство – КГБ, и Матвей надеялся, что Комитет Глубинного Бдения (так его называли некоторые «шутники») спасет его от обвинений в неумышленной контрабанде.

Камешки были упакованы на прежнее место. Буйволиный мешочек сшит суровыми нитками, которые всегда есть у солдата. Фляжка упакована в сумку, с остальными сувенирами. Крышку Матвей специально не стал завинчивать, чтобы сразу было видно, что фляжка пуста.

На взлетной полосе старого, еще колониального аэродрома, их ждал готовый к вылету военный «борт», на котором возвращались на родину полтора десятка тощих и загорелых воинов в защитной форме без знаков различия (незагорелые штабисты остались досиживать до упора свой интернациональный долг и «интернациональную» зарплату). Скучные дорожные пожитки вылетающих не досматривали, по опыту зная, что кроме пары масок и раскрашенных черепаших панцирей, там не могло быть ничего предосудительного. А лазить своими руками в привезенную из самых что ни на есть африканских трущоб сумку, с риском подцепить что-то ... африканское, штабистам не хотелось. Провожавший группу представитель штаба раздал документы и тощие конверты с заработанным (по сложившейся практике, они хранились в сейфе до последнего момента, чтобы счастливый «дембель» на радостях их не потерял) и объявил, что к вывозу запрещены оружие и любые боеприпасы. «В Москве вас с собаками обыщут...» вместо «Счастливого полета!» - сказал на прощанье штабист, тем самым закончив очередной этап жизни Матвея.

Как показало дальнейшее, это был далеко не самый худший этап.

По прилету на полутемный военный аэродром в Подмоскowie их действительно серьезно досмотрели. Роль обещанных собак играли две дамы в зеленой форме погранслужбы, с остервенением обшаривающие сумки, личные вещи и самих прилетевших. Большинство из доставленных на Родину, были так вымотаны длинным перелетом в далеко не комфортабельном транспортном самолете, к которому их подвезли буквально с мест службы (чтоб не наломали дров на радостях!), что мужчины даже не реагировали на ёрзанье по ним женских рук. Одна лишь мысль могла у них родиться – «Не дай Бог такую жену. Заначке конец...»

Искали, конечно, оружие. Какой еще сувенир мог везти солдат с мест боев!

Открыв Матвеевскую сумку и равнодушно отложив в сторону фляжку (предварительно убедившись, что она пустая), пограничная дама взяла в каждую руку по африканской маске и трогательно - вопросительно посмотрела на нашего героя. Ну, хотелось ей одну такую маску! Или обе...

И такая злоба взяла Матвея! Такая злоба...

Приподнял он свою майку, показав даме черный шрам на своем тощем животе, а затем закатал рукав защитной куртки и показал второй шрам. Всё поняла ищейка. Опустила свои загибающие глаза и, со вздохом, пропустила Матвея.

Два дня дали Матвею отдохнуть дома (есть же гуманные люди), а на третий день отправился он к специально обученным людям, отправившим его «чистаа попереводить» в благословенную Африку. Надо было ему и душу облегчить, и зарплату, честно заслуженную, получить.

И деньги он получил, и в кабинет к своему куратору с «добрыми и честными глазами», зашел. Выложил на стол фляжку, как есть, в буйволином чехле. И всё рассказал. Честно. Без утайки. Ответил на все вопросы. И даже помог камушки достать.

Увидел кадровик алмазы, и даже улыбка пробежала по его усталому лицу.

- Пьер, говоришь? Бельгиец из Гвинеи? Интересненько...

Себе-то хоть один камушек оставил? На память? Как талисман от вуду? - хитро прищутив глаз, посмотрел «добрый человек» на Матвея. Но увидев реакцию нашего героя, сразу сменил тон.

- Ладно, ладно! Пошутил я. Неудачно пошутил, признаю. Не обижайся, парень.

В кабинет был вызван еще один сотрудник, была составлена опись «добровольно сданного» и оформлена расписка. Подписывая Матвею пропуск, он отпустил своего сотрудника.

Быстро написав что-то на листке бумаги, протянул его Матвею.

- Это мой прямой телефон. Позвони через два дня. Надо нам встретиться и поговорить с тобой. По душам. О том, что было и что будет...Про Пьера расскажешь подробно. И я тебе кое-что интересное расскажу. По глазам вижу, не пожалеешь!

И встретились. И поговорили.

И, действительно, не пожалел потом Матвей, узнавший за годы «государевой» службы много интересного и увлекательного.

А ту фляжку вместе с чехлом Матвею потом вернули. Как сувенир.

И тут такая оказия! Представитель крупного европейского концерна в ранге его вице-президента! Знакомая наколка на руке. Много лет прошло, но что-то неуловимо знакомое померещилось Матвею в фигуре и прищуре глаз иностранца. Правда, тот, спасенный, был рыжеватым, а этот – явный шатен. Но рука на фотографии – очень белая, как у всех рыжеволосых. А цвет волос, как и имя, поменять можно. Даже не прибегая к пластической хирургии...

Еще раз Матвей проштудировал все доступные материалы по этому европейскому концерну и справки о предыдущих переговорах его представителей в России. Все более очевидным становился характер деятельности иностранцев. Типичные «пираты», они агрессивно скупали сырьевые источники и промышленные площадки, ориентируясь на колебания международной конъюнктуры рынка, затем с выгодой продавали их. Им нравилось работать в странах так называемого «третьего мира», не имеющих достаточных сил и влияния на мировой арене, чтобы противостоять натиску «пиратов». По некоторым данным из «независимых» западных средств информации, концерн активно использует вооруженных наемников для захвата «сырьевых» территорий и противодействия законным властям.

На российский рынок, не так давно ставший доступным для любых «искателей легкой наживы», этот концерн пришел сравнительно недавно. Пытаясь действовать по привычной схеме «бусы за жемчуг» полезли, было, в нефтяную и газовую отрасли, но получили отпор со стороны русских олигархов, быстро учившихся у своих опытных западных коллег с мировых именем и многомиллиардными оборотами. Неудачными были попытки влезть в оборонные предприятия. Сейчас наступала эра микроэлектроники и редкоземельных металлов.

Крупные российские горнорудные компании не вызвали интереса у этих иностранцев.

«Заезжие» стали почему-то проявлять интерес к некоторым маленьким и отдаленным российским компаниям, обладавшим соответствующими лицензиями. В числе активов, отданных в свое время разваливающимся, а потому щедрым, советским государством на баланс нынешней компании Матвея, как раз числились несколько таких небольших «дочек», причем в той графе этого самого баланса, которую экономисты называли убыточной.

Не сильно разбираясь в хитросплетениях так называемой финансовой политики, которая, как известно, всё равно упирается в личностный фактор, то есть определяется субъективными интересами того или иного «выгодополучателя», Матвей, будучи убежденным государственнымником, заранее настроил себя на отказ иностранцам. Он помнил позицию своего первого руководителя на «государевой» службе, который любую инициативу, рожденную в головах его подчиненных, охлаждал фразой – «А какая польза от этого будет рязанскому мужику?». И многие свежие идеи, которые готовы были к докладу на самый высокий уровень, как-то сами собой умирали. Видимо, к лучшему...

На переговоры «высокая договаривающаяся» импортная сторона, в соответствии с деловым протоколом, прибыла вовремя. Пока российские переговорщики, руководствуясь тем же протоколом, опаздывали из соседней комнаты на положенные 10 минут, иностранцев развлекали кофе и вложенным в приготовленный для каждого чистый блокнот рекламным буклетом.

Когда российская сторона заняла, наконец, свои места за столом, началась процедура взаимного представления участников. «Интуристов» представлял сам глава их делегации, вице-президент Даан де Йонг, стремившийся быть остроумным и харизматичным.

Конечно, Матвей сразу узнал «Пьера». Манеру говорить и движения рук не скроешь покрашенной шевелюрой и надетым для стройности корсетом. И руки вице-президента, которыми тот элегантно манипулировал над столом, были, как отметил Матвей, покрыты рыжеватыми волосками, выделявшимся на фоне очень белой кожи.

Узнав своего давнего африканского знакомого, Матвей постарался не вглядываться в него, переключив внимание на других «пиратов». Но несколько мимолетных, но очень

внимательных взгляда, брошенных на него вице-президентом, показали Матвею, что его, возможно, тоже узнали.

Первый день переговоров был посвящен, как и положено, знакомству с позициями сторон и взаимному изучению. Начальный этап встречи ранее не знакомых переговорщиков всегда напоминал Матвею презентацию птиц-самцов на токовище. Демонстрируя готовность к схватке своей горделивой походкой, оперением, клювами и шпорами, они в глубине души надеются, что ценный приз удастся забрать без кровавой драки и потерь перьевого покрова.

Когда переговорный раунд уже подходил к концу, а гости прятали во внутренние карманы своих деловых костюмов выложенные перед ними весьма красивые и недешевые ручки, оставляя на столе почти не использованные блокноты, Матвей применил «запрещенный» прием. Он достал из внутреннего кармана пиджака ту самую фляжку в чехле из буйволиной кожи и со словами – «Извините, лекарство...» налил в свою кофейную чашечку пару капель. Де Йонг буквально впился взглядом во фляжку, а затем - в Матвея. Едва дождавшись официальной церемонии прощания и назначения нового раунда переговоров, вице-президент подошел прямо к Матвею и, взяв того за руки, отвел в сторону. Этим он немало удивил Матвеевского начальника, ожидавшего подобного жеста внимания к себе. Остальные российские переговорщики из числа сотрудников компании сделали вид, что ничего особенного не произошло, хотя предчувствовали последующее горячее обсуждение в своем кругу в хорошо известном им кабачке на соседней улице.

Де Йонг, отведя Матвея в сторону, буквально светился от радости.

- Мэтью, ты! Вот уж не ожидал! У меня столько вопросов... Но давай не здесь. Есть тут какое-нибудь тихое место, где мы могли бы вечером спокойно поговорить и выпить вдвоём?

Узнав у «Пьера», где тот остановился, Матвей назначил встречу в знакомом ресторанчике недалеко от отеля.

Вечером, за уютным столиком московского трактирчика, с уже расставленной украинско-грузинско-русской закуской (копченое сало, сациви и хрустящие малосольные огурчики) состоялась встреча знакомых по Африке.

После короткой вводной беседы о перепетиях международной политики, перешли к делу. То есть, к личной жизни.

Вопросы сыпались из иностранца, как зерна кофе из распоротого мешка.

- Давно работаешь на гражданке? Сумел провезти сюда мой прощальный подарок? Что на камешки купил?

Налив, не торопясь, по первой рюмке водки, Матвей знаком предложил Даану помолчать и поднял первый тост – «Что живы остались!». Сказал он это по-французски, вызвав неподдельный восторг «бельгийца». Выпив, Матвей тут же налил вторую.

- Отвечаю по порядку. Снял форму сразу после Африки. Подарок твой довез и тут же сдал государству. На полученное «спасибо» протер чувство собственной гордости и профессиональной этики.

Теперь три мои вопроса. Так ты – Пьер или Даан? Чьих будешь? Как тогда в плен попал и куда потом делся? Видишь, вопроса целых четыре, но ты мне должен...

Даан поднял вторую рюмку – «За тех, кто не вернулся!»

- Буду отвечать долго. Бельгиец из Гвинеи Пьер Вильер – это была моя легенда. Видишь, пригодилась... Даан де Йонг – это мое настоящее имя. Мои предки, буры, двести лет жили на территории нынешней ЮАР. Во мне течет кровь голландцев, французов и немцев. Вся эта смесь стала на юге Африки африканерами. Если ты знаешь историю, в начале 19 века император Наполеон завоевал Голландию и издал указ, согласно которому каждый голландец должен был иметь французскую фамилию и знать французский язык. Так что моя голландская бабка была Кристина Вильер и читала Мольера в оригинале. А дед - немец был Гансом из местечка Йонг. Отец должен был выбрать – стать «де Йонгом» или «ван Йонгом». И то и другое в голландском, а затем и в южноафриканском языке означало просто - «из Йонга», в отличие от немецкого «фон», указывающее на дворянские корни. Отец выбрал просто «де Йонг» и женился на француженке, в честь брата которой, Даниэла, меня и назвали Дааном.

Слушай, хорошая штука эта русская водка. Развязывает язык как это... бич работоторговца. Да, мои предки торговали рабами. Черными, со всей Африки, и белыми, когда проклятые англичане полезли на наши республики. Русские тогда помогали нам.

Что ты там еще спрашивал? Ах, да, как я попал тогда в плен и куда потом делся. Видишь ли, Мэт... Тебе, как солдату, верю и расскажу правду. Мы же не враги?

С семнадцати лет я воевал. Сначала – в рядах армии ЮАР. Против наших местных черных из Африканского национального конгресса этого самого... Манделы. Потом, когда регулярная служба закончилась, нанялся воевать за деньги. Ничего другого я не умел. Видишь, - он закатал рукав рубашки и показал татуировку летящего гуся, - «дикий гусь», международный символ наемников. Нас очень много в мире, даже у вас, говорят, есть теперь частные армии. Мир жесток,

война никогда не прекращается, честной работы на всех не хватает. Да и кому нужна она, эта честная работа! Учиться в нищете, проводя лучшие годы за книгами, а потом, как рабу на плантациях, гнуть спину на какого-нибудь толстопузика. Лучше воевать! Иллюзия свободы за хорошие деньги! И шанс убежать от собственной старости, быстро сдохнув от рук таких же солдат. Тебе ведь тоже нравилось воевать там, в Африке? А убивать? На первого убитого, как водится, вырвало, а на остальных просто плюешь...

- Тихо, Даан, тихо! У нас не любят убийц, особенно пьяных! И я никого специально не убивал...

- Ладно, Мэт, извини. Это – твоя страна и это – не Африка.

Так вот, в плен я попал, когда наша группа охраняла группу геологов, искавших алмазные трубки. Ты заешь, что такое алмазная, она же кимберлитовая, трубка? Это такая подземная жила, вдоль которой россыпью лежат алмазы. Вокруг неё роют воронку, чтобы удобнее было искать и вынимать камни. Кстати, самая большая воронка в Гвинее называлась «Антошка». Так её называли нашедшие эту россыпь советские геологи, в далеких 70-ых годах работавшие на правительство Ахмеда Секу Туре, которого мы потом свергли. Извини, отвлекся. Давай, выпьем еще, и слушай дальше.

Тогда геологи этой, ну очень крупной европейской компании, без всякой лицензии работали на землях племени фульбе, которое очень не любит белых. Ну, любят, не любят, а те алмазы, часть которых я тебе подарил в этой потайной фляжке, я там достал. На их жизни, черные ничемные жизни, менял. Не все хотели меняться. Ну и дураки! Камни-то всё равно у меня оказались. И фляжку я там сделал, с потайным отделением. Эти фульбе не только маски из дерева резали, но и с металлом умели работать.

И с ножами... умели. Во время одного из ночных налетов всех геологов и почти всех моих собратьев по оружию они вырезали и переловили. Они в темноте видят, как кошки! Мне удалось бежать, и я видел, что их колдуны делали с пленниками. Там, в засаде, меня и взяли. Я же говорю, что они видят ночью, как днём! Но было уже почти утро, и меня не стали сразу убивать, а отдали, как раба-носильщика, группе воинов, которая уходила в набег на соседние племена. Вот там ты меня и этого кубинского лейтенантика освободил. Спасибо тебе, но считаю, что теми алмазами я с тобой расплатился.

Жизнь – за камушки! Видишь, Мэт, как всё в этой жизни переплетено, но взаимозависимо!

Потом я ушел, оставив тебе свой прощальный подарок. В джунглях на меня наткнулся ваш проводник. Он меня не тронул, а просто показал, куда идти и отдал свой нож, за что я ему очень благодарен. У нас не было общего языка для понимания друг друга, но он жестами показал, чтобы я больше никогда не ходил на его земли. Я это пообещал и сдержал слово. Больше я в те земли не ходил. Не за чем. Удивительно бедная страна.

Правда, проводник мог тогда меня выдать, но у меня уже был его нож... Но это к делу не относится. Считай, что это моя пьяная выдумка.

Я вышел к своим, опять присоединился к «гусям». Работал почти во всех странах Африки, и не только Африки, где нам могли заплатить. Потом, уже на юге «чёрного» континента, нам хорошо заплатил алмазами лидер одной из повстанческих группировок Анголы Йонас Савимби и бросил нас в бой на советско-кубинскую группировку. Как сейчас помню эти бои в провинции Куиту – Куанавале! До этого мы гоняли игрушечные армии местных царьков, банды

вооруженных молодчиков или почти безоружных африканцев, не знающих тактики и стратегии войны, не имеющих серьезного вооружения. В Анголе же мы встретили настоящих солдат с артиллерией, танками и авиацией, а главное – готовых умирать за победу. Нашу группировку разбили в первом же сражении, а ночью разбомбили и сожгли лагерь. Хорошо, что оплату мы получили заранее, и я убежал, поклявшись не вставать больше на эту тропу войны.

Пользуясь связями в одной из горнорудных компаний, я устроился в нее начальником службы безопасности. Мы охраняли рудники и руководителей компании во время их служебных, и не только служебных, поездок по всему миру.

- И больше не брал в руки оружие и не применял его по живым мишеням? – Матвей старался, чтобы его голос звучал спокойно.

Даан де Йонг криво улыбнулся и стал разливать водку. Подняв рюмку, он хриплым голосом пробурчал – «Здоровье прекрасных дам, которых, к сожалению, с нами сейчас нет!» и выпил, не дожидаясь реакции Матвея.

- Сейчас моя очередь спрашивать! – после этого тоста и активного поглощения закуски де Йонг несколько протрезвел.

- Мэт, ты ведь не сразу нашел алмазы во фляжке? Как тебе это удалось?

- Почти сразу. Жидкости во фляжке было меньше, чем должно.

- Умно! Почему не оставил камушки себе? Как помню, там было на очень приличную по тем временам сумму...

- А что с ними делать? Спрятать и всю жизнь трястись от страха, что найдут? У нас нет частных кимберлитовых трубок, а незаконный оборот драгоценных камней карается и очень сурово.

- Забавные вы люди, русские! Но уже начинаете понимать смысл красивой жизни. Я видел жен ваших чиновников. На них были вполне приличные бриллианты...

Матвей прервал поток красноречия Де Йонга.

- Даан, мяч на моей стороне. А как ты из начальника охраны сырьевой компании стал вице-президентом вашей консалтинговой, как написано в ваших буклетах, фирмы. Ты – ее основатель и владелец?

- Отчасти. Сооснователь и совладелец. Десять лет назад несколько моих бывших собратьев по оружию, включая нашего командира, решили, что хватит нам горбатиться на чужих, а надо самим распоряжаться собственной судьбой. У каждого из нас был определенный «запас прочности», и мы решили сложиться и создать собственную фирму. И – вот! Мы на рынке уже восемь лет! Мы богаты и успешны!

- Я, естественно, просмотрел имеющиеся материалы по вашему концерну. У вас разнообразные интересы, и сейчас сферой вашей деятельности является микроэлектроника. Это так?

- Ты прав. У нас много разных проектов, от транспорта до медицины. Но главный тренд в сегодняшнем мире – микроэлектроника, и мы следуем за ним.

- А причем здесь наше дочернее предприятие и его лицензии на месторождения редкоземельных металлов?

- Мэт! Ты – мой спаситель и друг, поэтому я тебе доверряю, - заплетающийся язык Даана с трудом продирается сквозь грассирующие «р» французского языка, - ты когда-нибудь слышал про колтан?

Знания Матвея по минералогии не были столь обширны, и он с удовольствием впитал рассказ Даана, пообещав себе позже восполнить пробел в своих познаниях.

- Колтан – это смесь тантала с чем-то латиноамериканским. А, колумбитом! – выпивший де Йонг «строил из себя» знатока, явно пытаюсь цитировать какой-то рекламный текст - используется при производстве конденсаторов, очень широко применяется в мобильных телефонах, системах слежения, в плазменных телевизорах, в авиации и ракетостроении. Ну, и еще где-то...

Минерал, внимание,- очень дорог, и мало где добывается.

Основное место добычи – Африка, где главные месторождения находятся в Конго. В 98 году там была война из-за этого колтана, в которой погибло около 5 млн. человек. Много моих бывших коллег нашли там свою могилу...

Сейчас только одна маленькая Руанда получает от торговли колтаном около 250 млн. долларов в год. А зачем маленькой африканской стране столько денег?

И еще – в Африку, в том числе за колтаном, очень активно лезет Китай. Они же претендуют на лидерство в мировом производстве электроники! А с китайцами сложно соперничать. Много их! У нас столько патронов нет...

И самое главное! Колтан в Африке добывают ну скажем, в сложных условиях. Вручную, в узких земляных ямах. Работа, за весьма скромное вознаграждение, в основном, для женщин и детей. Журналисты, мать их..., сделали целую серию репортажей об этом, и в мире началась кампания против закупок африканского колтана. Его назвали «кровавым» минералом, и требуют от крупных международных компаний электронной промышленности отказаться от его использования.

Потому и нужны альтернативные источники колтана, хотя бы номинальные. Ими можно прикрыть гигантские

африканские поставки, понимаешь! Ведь после переработки практически невозможно определить, откуда завезено сырье.

Такие мелкие месторождения, где колтан присутствует в виде вкраплений в залежи других минералов, есть практически везде. Понемногу его добывают и шведы, и немцы, и даже американцы. Мы приобрели несколько таких мелких месторождений в Гренландии; ведем переговоры в Казахстане... Но совокупные запасы и добыча на этих рудниках, а главное – переработка, по нашим масштабам мелковаты, не позволяют прикрыть основной африканский канал. Потому нам интересно ваше месторождение, где есть возможность показать неплохую добычу.

- Просто – «показать»?

- Да, можно просто показать. Кто же в ваш холод в шахту полезет за сотней килограммов в год этих черных камней? Да и везти его потом надо. Как и куда? В Гренландии вон это поняли... Сидят и только деньги считают, гордые потомки викингов.

Мэт, ты же не используешь мою откровенность для взвинчивания цены на вашу лицензию? Нам ведь надо купить больше половины акций всей той маленькой компании, у которой есть лицензия и пусть крохотное, но зарегистрированное производство. Оно ведь не твое?

Кстати, мне разрешено предложить лично тебе некую сумму – уже твердой рукой Даан де Йонг написал на салфетке сумму с солидным количеством нулей и показал её Матвею, спрятав потом смятую салфетку в карман.

- Столько получишь за подписание контракта на наших условиях! И учти – повышается ваша цена – понижается твой гонорар. И наоборот!

И импортный вице-президент с видом победителя посмотрел на Матвея, ожидая, по меньшей мере, восторга за свою щедрость и гениальность придуманной им схемы материальной заинтересованности торгового партнера.

- И ты так везде работаешь? – Матвей не стал проявлять ожидаемой от него радости, впервые почувствовав сожаление за то, что спас когда-то «Пьера».

- По крайней мере, в Европе. И в вашем, а если точнее, уже в китайском Казахстане, - гордо ответил де Йонг.

- Я – всего лишь советник нашего босса, и не могу влиять на решение совета директоров. Но обещаю забыть всё, сказанное сегодня тобой. Всё!

Здесь де Йонг в очередной раз посмотрел на часы и заторопился в отель. Заплатил, к его явному удовольствию, Матвей, который сразу заметил внимание, с которым Даан смотрел на стоимость блюд, а также явную паузу в извлечении бумажника, которую сделал иностранец при появлении счета. «Прав я был в твоём психологическом портрете. Ты – жадный торгаш!» - подумал тогда Матвей.

Салфетку с написанной цифрой Дан торжественно сжег, прикурив от неё очередную сигарету. Сделал он это уже на улице, ибо в самом ресторанчике, увидев, что он достал пачку, на него так яростно налетела молоденькая официантка, что напыщенный «дикий гусь» сдался без боя.

Матвей проводил де Йонга до самой стойки регистрации отеля. Пока Даан получал у портье свой ключ, Матвей отошел к автомату с минеральной водой. Покупая холодную бутылочку, он успел заметить, что портье указал де Йонгу на ожидавшего в холле неприметного мужчину средних лет в мешковатой куртке. Спрятавшись за колонной, Матвей отметил спортивность и хорошую координацию движений незнакомца, вставшего навстречу подошедшему к нему де

Йонгу. Человек был не известен Матвею, но сделанную мобильным телефоном фотографию он отправил одному своему знакомому в ...жилконторе.

А вице-президент консалтинговой компании и ожидавший его незнакомец обменялись сначала какими-то словами, затем рукопожатием, а потом направились в полупустое кафе-бистро, находящееся в углу просторного гостиничного холла.

На следующий день переговоры были продолжены. Руководитель российской компании и два члена совета её директоров, принимавшие участие в переговорах, с утра были ознакомлены с подготовленной Матвеем справкой о цели иностранной компании и самом «кровоавом» минерале «колтан», о существовании которого в их дочернем предприятии они и не знали. Или почти не знали.

Наибольшее впечатление на них произвела не сама информация о колтане и коммерческом трюкачестве их иностранных партнеров, а то, что Матвей забрал у них после ознакомления розданные справки и демонстративно уничтожил их в измельчителе. На робкую попытку одного из маститых членов совета директоров засунуть справку в свой портфель – «я... моему референту надо...» Матвей резко сказал – «Не надо!» и почти вырвал документ из внезапно задрожавших рук чиновника.

К чести российской стороны, ознакомленные с Матвеевской справкой участники, ничем не проявили свою информированность и негативное отношение к иностранцам и их заинтересованности, но маленькую «подлянку» сам Матвей всё же подложил. Иностранцам не дали новых ручек, положив перед каждым участником его же вчерашний блокнот.

Интересно, что просмотревший с самого утра блокноты гостей Матвей был удивлен тем, что вместо обычных в таких случаях каракулей и произведений в стиле раннего примитивизма, страницы были покрыты рисунками оружия, как старинного, так и вполне современного.

Во время одного из технических перерывов к Матвею подошел де Йонг.

- Слушай, Мэт, спасибо за вчерашний ужин. Забудь мой пьяный трёп, просто у вас очень коварная водка. Хорошо, что проводил меня до отеля. Хотел тебя пригласить в номер, выпить еще по стаканчику, но ты так быстро ушел...

- Водка у нас действительно коварная. Я сам мало чего помню из вчерашней беседы, кроме твоего рассказа о происхождении твоей семьи и информации об этом минерале. Честно говоря, я этого раньше не знал. А из отеля потому и ушел, что побоялся продолжения банкета. А мне с утра нужна была ясная голова. Так что я ушел по-английски, уж прости.

- Мэт, мы решили слетать на пару дней на это месторождение. Так сказать, ознакомительная поездка. Полетишь с нами? Обещали на последний отрезок помочь зафрахтовать для нас военный вертолет. Вспомним молодость?

- Спасибо. Я бы хотел, но шеф не отпустит. Надо готовиться к очередной делегации. Не только вы проявили интерес к редким металлам на том месторождении.

Даан насторожился.

- А кто еще?

- Тебе, как старому приятелю, скажу. Китайцы. Я не говорю по-китайски, но шеф хочет, чтобы с ними работал я. И лететь с ними туда уже придется...

- Зачем?

- Разворуют по карманам все металлы. Ты же их знаешь. Приедет миллион человек, и всё унесут...

Не понявший изысканного русского юмора, импортный вице-президент долго стоял в оцепенении, а потом быстро побежал сообщать кому-то по телефону о происках вездесущих китайцев. Мысль о якобы проявленном интересе со стороны действительно скупающих все сырьевые запасы компаний из КНР пришла в голову Матвея уже в разговоре с де Йонгом. Но, в любом случае, доведенная «в доверительном порядке» до Даана информация лишь укрепила позицию российской стороны на переговорах с «пиратами», которые к концу дня почти удвоили свое ценовое предложение.

И, последнее в тот день, чем потом гордился Матвей. Когда он уже сидел за столом, рисуя в «переговорном» блокноте замысловатый кукиш в обрамлении веточек хрена и укропа, к нему подошел де Йонг, завершивший свои жалобы на «коварных китайцев» неизвестному телефонному собеседнику. Доверительно положив руку на Матвеевское плечо, он тихо спросил:

- Дружище, а что за очаровательная девушка стоит у кофейного столика? Нельзя ли направить её с нами в поездку на месторождение и намекнуть ей на желательность дополнительного внимания с её стороны ко мне, как руководителю партнерской делегации. Не говори только, что это – твоя дама. Вон она как на тебя смотрит...

Увидев, что его друг Даан проявляет интерес к той самой преобразенной секретарше, которую позвали с какой-то бумажкой в зал переговоров, Матвей наклонился к уху импортного вице-президента и тихо так сказал:

- Я счастливо женат, мой друг. А эта очаровательная девушка – племянница нашего босса. У тебя серьезные намерения? Могу представить вас!

Видя, как отшатнулся от него «друг Даан», Матвей успел сказать вдогонку:

- Я попрошу, чтобы тебе на месте нашли собеседницу. Там, в тайге, есть из кого выбрать...

На этой вдохновляющей ноте закончился второй день переговоров. Закончился, скорее, в пользу российской стороны, ибо – была спасена честь дамы, получено уже вполне приличное ценовое предложение, поездку на отдаленное месторождение «туристы» оплатили сами. Де Йонг ужом вертелся, пытаясь свалить эти расходы на принимающую сторону, но наш руководитель (с подачи Матвея) жестко отсек «халяву»:

- Пока единственной заинтересованной в сделке стороной являетесь вы, и нашим бюджетом эти расходы не предусмотрены. Если пригласите потом нас к себе, мы тоже всё оплатим сами. Если сочтем это нужным...

Пока «туристы» летали осматривать отдаленные достопримечательности нашей страны, Матвей встретился со своим знакомым из...жилконторы. До этого он переправил тому сделанные на переговорах фотографии всех участников «импортной» делегации и свою справку по колтану. Встреча была недолгой, но интенсивной по обмену информацией. Собеседник Матвея был краток, и, как сказали бы наши предки, лапидарен:

- Твоя обеспокоенность по поводу колтана понятна. России самой нужен этот минерал. По сути дела – если бы они действительно совершили фиктивную сделку и, ничего не вывозя, просто платили бы вам, то есть, в казну, деньги, то и

чёрт бы с ними. Но есть несколько настораживающих моментов.

Во-первых, упоминание российской компании в ходе проходящей международной компании по запрету использования колтана нам совсем не нужно.

Во-вторых, эти «пираты», как ты их назвал, вполне могут предложить купить у них месторождение тем же китайцам. А те и купят, и добычу начнут. Это ведь рядом с их границей.

И третий, самый серьезный момент – по данным, требующим дополнительной проверки, концерн твоего друга является «прикрытием» для крупного синдиката наемников. Они вербуют бойцов по всему миру, готовят их на своих базах, и направляют заказчикам. Таких компаний в Европе уже несколько. Они соперничают друг с другом, вплоть до применения оружия. Прямо, как в наши 90-ые...

Так вот, один из соучредителей их фирмы – наш бывший соотечественник, «пропавший» в ходе одной из операций в горячей точке. Он давно сотрудничает с «дикими гусями», воевал, в том числе, против нас. Вот он ведет специальный сайт по вербовке рекрутов в России и странах бывшего СССР. И одно из его требований к кандидатам – знание русского языка и владение современным оружием нашей страны. Видимо, сцена применения наемников постепенно перемещается из традиционных для них Африки и Юго-Восточной Азии в Европу и российские окрестности.

У нас в стране работают несколько резидентов этого синдиката, через которых идет отбор рекрутов и организуется их отправка. На присланной тобой фотографии из гостиницы запечатлен, очевидно, один из таких резидентов. Хорошо, ты вовремя нас проинформировал.

Тебе могу сказать. По нему негласно поработали. Стало известно, что в ходе предстоящей поездки этой делегации,

якобы, на ваше месторождение, запланирована еще одна встреча, в месте пересадки из магистрального самолета в вертолет. Наши люди уже готовятся.

У меня, пожалуй, всё.

Сделки по колтану не будет. Соответствующие указания вашему совету директоров уже даны. Спасибо за бдительность!

С языка Матвея уже хотел, было, сорваться вопрос о самом де Йонге, мол, - «а с самим гусиком что делать? Натворил достаточно, да еще и в нашу страну гадить прилетел. Надо бы перышки пощипать...» Но понял он, что ничего ему на это не ответят. Что, может быть и правильно, с точки зрения высоких кабинетных игр. Но руки чесались.

«Интуристы» вернулись из поездки большей частью довольные. Хмурый был лишь Даан де Йонг. Все с восторгом рассказывали о безграничности российских просторов, много часов расстилавшихся под крыльями и лопастями, о незабываемой русской бане с купанием в проруби.

Их поразила чистая и просторная шахта на прииске, безопасный и технологичный процесс извлечения руды и обработки её в производственных помещениях.

- Мэт, там стоит оборудование почти столетней давности, еще сделанное в довоенной Германии! Не всё, конечно, есть и современное, но то, что все старые механизмы находятся в прекрасном техническом состоянии и работают, просто поражает! Да, это – не Африка... Когда мы купим это предприятие, пригласим фотожурналистов, и они сделают прекрасные репортажи... - шумели наперебой «туристы», оттесняя от Матвея хмурого и не разговорчивого Даана.

Матвей предположил, что у его «друга» сорвалась встреча с представителем вербовочного синдиката. Прекрасно

понимая, что срыв разового мероприятия не может повлиять на весь активизировавшийся процесс вербовки в нашей стране наемников для «грязной» работы, Матвей, тем не менее, был рад этому состоянию де Йонга и принял все меры к тому, чтобы избежать в этот день личного контакта.

Переговоры продолжились на следующий день, за тем же столом с теми же блокнотами, в которые всё же вложили новые, но дешевые, китайские, ручки. По настоянию Матвея, на ручки дополнительно нанесли яркие иероглифы с изображением дракона и домашнего гуся.

Когда генеральный директор озвучил решение совета директоров российской компании воздержаться от продажи «колтановой» дочки в связи «со взятым страной курсом на импортозамещение и ускоренную разработку собственного производства элементной базы», де Йонга буквально перекосило от ярости. Не сдерживая свои эмоции, он сломал в сжатом кулаке ручку с иероглифами и резко встал из-за стола. Остальные члены делегации последовали его примеру. Правила протокола были бесповоротно нарушены, а радостный бухгалтер подсчитывал, сколько он сэкономит на прощальном ужине.

Сэкономить не удалось. Выскочив из зала переговоров, де Йонг быстро взял себя в руки и нашел в себе силы подойти к главе российской делегации со словами извинения за свой «излишне эмоциональный» поступок. Попросив о конфиденциальной беседе, иностранец увлек собеседника и своего переводчика в сторону. Нарушая все инструкции, российский босс пригласил их в свой кабинет.

Проходя мимо Матвея, иностранец метнул в того такой испепеляющий взгляд ненависти...

Сидели они в начальственном кабинете около часа, и известная уже и вам секретарша дважды подавала

переговорщикам кофе. Начальник службы безопасности весь извелся от столь вопиющего нарушения правил ведения переговоров с иностранцами, но, вызвав кого-то с «чемоданчиком», несколько успокоился.

В заключение в кабинет были торжественно внесены коньячные рюмки, после чего раскрасневшиеся босс, де Йонг и по-прежнему бледный переводчик, вышли к ожидавшим их за кофейным столиком сотрудникам.

Прощальный ужин в ресторане состоялся. В своих тостах российский босс и «импортный» вице-президент обменялись, как положено, комплементами, поблагодарили друг друга за «понимание и готовность к диалогу» и выразил уверенность, что компаниям удастся найти новые точки взаимного интереса и продолжить начатый диалог.

По окончании возлияний, проводив иностранцев, генеральный директор подвел Матвея к столу, налил по рюмке и изложил сокровенное:

- Спасибо, что не дал совершить ошибку и продать нашу «дочку», хотя это была весьма приемлемая цена за этот «неликвид». Меня вчера благодарили за это там, «наверху» - он показал нетвердой рукой куда-то в потолок, - но я знаю, что это – твоя заслуга. Премию получишь...

И что интересно! Этот самый де Йонг, когда мы с ним говорили в моем кабинете, долго меня спрашивал, не ты ли сорвал эту сделку. Его интересовало, как долго ты работаешь в компании, и как хорошо я тебя знаю. Вы, вроде, пересекались с ним раньше? Он упоминал Африку и то, как он тебя из чего-то там вытащил. Сказал, что ты оказался неблагодарным.

Но! Он пригласил нас на одно из своих месторождений в Африке и настоятельно рекомендовал включить тебя в состав делегации. По его словам, и у нас, и там добывают и обрабатывают схожие минералы, и мы можем либо

присмотреть что-то для приобретения, либо поискать новые схемы сотрудничества.

Я считаю идею не лишённой смысла и готов слетать с тобой на это сафари.

- А что, охота в саванне предусмотрена? – в голове Матвея сработал тревожный звоночек.

- Это я так сказал, к слову. «Африка – сафари!» А он ничего такого не говорил... А, что, могли бы и стрельнуть какого-нибудь вилорогого. Рога потом на стену повесить...

«Стрельнуть... Слабоумного... И на стену повесить...» - подумал Матвей, но вслух не стал ничего говорить.

Утром был выходной, но поспать лишний час Матвею не дали. В восемь утра его разбудил звонок начальника службы безопасности компании, а в половину девятого знакомая машина уже стояла у Матвеевского подъезда (для читателей из Питера – парадной). Затащив еще не до конца проснувшегося Матвея в салон автомобиля, отставной особист сунул тому под нос непонятную металлическую коробочку. Прижав палец к губам, он приоткрыл железную крышку, показав какой-то предмет, похожий на черную пуговицу. Закрыв футляр, он рассказал:

- Вчера нашли в кабинете шефа, после того, как все уехали. Была под подлокотником кресла посетителя, на котором сидел этот самый... де Йонг. Больше ничего нет. Всё тщательно просмотрели. Что делать?

- Спасибо, дружище. Всё правильно сделали, молодцы. Видел кто-нибудь, как кабинет обыскивали?

- Нет, всё сделали, как положено. Почти ночью, шторы закрывали. Верхний свет не включали.

- Думаю надо поставить на место. Сегодня выходной. Шефа не будет. Если появится, переведи его в другой кабинет под предлогом... дезинфекции, что-ли. А завтра, протирая пыль, пусть уборщица найдет микрофон. Пусть удивится и выбросит его с мусором. Надо поработать с уборщицей и проследить за мусором до контейнеровоза. Сможете?

- А то... Тряхнем стариной. Может, поиграем с ними?

- Не уверен. Шеф едва ли сможет, не та подготовка. Это ведь вы, старая гвардия, умели работать...

- Да уж. И как работали!

Вот так, одним ударом и микрофон выведен из игры, и отношения с корпоративной безопасностью установлены.

Не жалко и недоспавшего воскресного утра!

Но раз уж ему «сломали» воскресенье, захотелось разделить эту радость с кем-либо из особо «дорогих» ему людей. Не потому, что Матвей был особо вредным, а просто он был за равновесие в природе, за сообщество равных возможностей при наличии равного количества ухабов на дорожке в рай, которая, как известно, не бывает гладкой.

Ни разбудить, ни даже нарушить воскресные планы своего знакомого...из жилконторы Матвею не удалось. Тот уже с раннего утра (или позднего вечера) «бдил» на работе и даже не удивился звонку.

И голос его был бодр и свеж (школа!), когда на ехидный вопрос Матвея – «Ну, как выходной?» он, усмехнувшись, доброжелательно ответил:

- И тебе, пиджак (армейский юмор – так люди в форме называют гражданских), не хворать. Ждал твоего звонка завтра, поскольку у вас, улизнувших от военкомата (это явно был контрудар за ранний звонок) есть уникальная

возможность иметь выходные. Про микрофон в кабинете я знаю (служба!). Ты правильно посоветовал его оставить и правильно не стал затевать «игру». Те ребята - не пальцем деланы, фальшь сразу бы учуяли.

В Африку собирайся. Твой шеф уже дал команду готовить твои документы для поездки. Детали – на личной встрече на неделе.

Вот так. Сухо и ясно. Ни тебе – «какой ты молодец!» и «как я рад тебя слышать!» Одно слово, сухари... Но на страже Отечества!

На встрече в городе – Матвей был благодарен собеседнику, что тот не стал морочить голову вызовом в «казенный дом» и морокой с оформлением пропуска – ему весьма кратко рассказали о том, что за это время была документально установлена причастность «международной консалтинговой фирмы» Даана де Йонга к найму, подготовке и поставке наемников.

Как сказал Матвею его собеседник, - «их лагеря находятся во многих странах почти всех континентов под видом тренировочных баз для охранных фирм. Деятельность, с точки зрения закона, вполне легальна. Потом подготовленные бойцы направляются заказчикам в любую страну мира, причем в последнее время серьезный интерес проявляется к странам Восточной Европы. Подбором людей именно для этого направления и занимается созданная ими и подобными им фирмами сеть вербовщиков в нашей стране, бывших республиках СССР и странах прежнего соцлагеря. Интересно, что их интересует знание кандидатами славянских языков, владение советским и российским оружием. Работа по «подсвеченным» тобой людям показала, что они достаточно прочно укоренились в нашей и соседних странах, пользуясь сложной экономической обстановкой и наличием

большого числа конфликтов, в том числе вооруженных. К сожалению, мы сталкиваемся с тем, что наличие большого числа относительно молодых людей, умеющих стрелять, но не нашедших себя в нормальной жизни, объективно ведет к появлению благодатной почвы для таких вот деятелей.

Помнишь, мы с тобой говорили о том, что Ф. Кастро на Кубе в 70 – 80-ые годы прошлого века сталкивался с опасным избытком молодых людей, которых нечем было занять на острове Свободы? Он нашел выход в направлении их на революционные войны в Африку, Латинскую Америку и Азию. У нас пока эту функцию перехватывает криминал и наемники.

- Матвей, только для тебя. Информация закрытого характера. Удалось выяснить, что Даан очень зол на тебя, ибо подозревает, что именно ты виноват в срыве той сделки по месторождениям. Она была им нужна и как прикрытие их торговли нелегальным колтаном, и как законное основание для присутствия в нашей стране. А для де Йонга – это еще и личный «прокол» перед руководством его компании, которому он успел представить тебя, как своего надежного человека, готового работать на них. Потому он должен представить своим либо доказательства того, что ты будешь работать на них...

- Либо мой труп? – как можно более безмятежно спросил Матвей, у которого уже давно полз по спине предупредительный холодок.

- Ну, об этом даже речи не идет. Зачем?! Я думаю, что он просто захочет завербовать тебя. Он уже сообщил своим, что ты, в свое время, взял у него алмазы в качестве платы за помощь в побеге из африканского плена и положительно воспринял предложенную тебе сумму за содействие в подписании сделки по месторождению.

Ведь предлагал?

- Да, было... - Матвея удивила такая осведомленность его собеседника. И тут же ехидно добавил

- Что, «турист» напрасно рассчитывал на полную защищенность своей телефонной связи?

После некоторой паузы служивый был вынужден ответить:

- Ты же понимаешь, что полную гарантию дает только морг, да и то иногда ошибается... Ставим на этой теме точку!

Итак... Через три дня летишь в Африку. Документы готовы. Твой шеф уже во сне видит, как подстрелит какого-нибудь африканского носителя рогов. Но – лично мой совет, не лезьте к местам, где стреляют. Не дай Бог!

«Ну да. Отписываться потом...» - успела закрасться в голову Матвея крамольная мысль, но тут же, волевым усилием, была изгнана. На обочину сознания...

Собеседник, не владевший искусством читать чужие мысли, безмятежно продолжил:

- Возможности покушения на вас, и лично тебя, мой любезный друг, мы не просматриваем. В конце концов, если ставить целью убрать тебя, это можно было бы сделать и здесь. У них много кандидатов на службу, так что это вполне могло бы быть проверочное задание для очередного ... кандидата.

И как-то легче стало Матвею после этого разговора. Не сказать, чтобы крылышки выросли, но «купить фанеры, сколотить аэроплан, и улететь куда-нибудь» очень хотелось.

Он знал, по опыту, что традиционное вечернее обдумывание ситуации с анализом прожитого и проговоренного, в этот вечер может привести только к ненужным мыслям и нарушению сна. Потому Матвей не стал

«косить под Спинозу» и, весело сообщив домашним, что улетает на несколько дней в Южный Казахстан, просто лег спать. Выпив, на всякий случай, по рекомендации врачей, «добрый» стаканчик любимого ирландского напитка.

На следующий день, на работе, работы не было. Возбужденный шеф несколько раз забежал в Матвеевский кабинет с каталогами экипировки для «тропических путешествий», образцами своей фото- и видеотехники. Получив советы «знатока», он пытался, было, обсудить варианты охотничьих ружей, но, наткнувшись на стену полного непонимания, уехал в город.

Дважды, под надуманными предлогами, в кабинет к Матвею «просачивалась» новоявленная Барби, с придыханием интересовавшаяся, не нужен ли будет делегации компании в этой поездке «квалифицированный секретарь», имеющий опыт поездок в жаркие страны (отдых в Турции и Болгарии).

С аналогичными просьбами приходили сотрудники из международно-правового, хозяйственного и иных подразделений.

Поняв, что просто так это движение не остановить, Матвей пригласил к себе «на ознакомительную беседу» двух сотрудников компании, которые уже были включены в состав делегации, и «Барби» – для ведения протокола.

Суровым голосом Матвей информировал собравшихся, что в ходе предстоящей поездки по африканскому континенту им предстоит посетить три страны, а вернее – месторождения минералов на территории этих стран.

«Проживание предстоит в служебных модулях на этих приисках. Комфортабельных условий проживания – отдельного санузла, душа и кондиционера не гарантирую. Желательно взять с собой репелленты от комаров и прочей

летающей нечисти, марганцовки для обеззараживания воды, запас питьевой воды, двойной комплект нательного белья. Рекомендую коротко подстричься и взять плотные головные уборы.

Во время посещения самих приисков возможен спуск под землю в не самых санитарных условиях.

В регионе распространены различного вида лихорадки, желудочно-кишечные и кожные инфекции. Процент венерических болезней приближается к поголовному.

По-прежнему действуют бандформирования, идут межплеменные столкновения с захватом пленных и кровавыми ритуалами».

Раздав собравшимся копии памятки «Убывающим в Африку», чудом сохранившуюся у него со времен своей первой командировки на этот континент, где было перечислено еще большее количество напастей, Матвей закончил совещание и стал ждать.

Поток желающих «записаться в добровольцы» прекратился сразу же. Через пару часов ему принесли на визирование заявления от тех двух сотрудников, ранее включенных в состав делегации. Со ссылкой на семейные обстоятельства и проблемы со здоровьем, они просили исключить их из этого состава в «целях экономии корпоративных средств».

Что Матвей и сделал с большим удовольствием. Да еще получил и моральное удовольствие, когда, завершая столь плодотворный день, услышал из надутых губ «Барби» робкое «спасибо!».

Генеральный директор спокойно отреагировал на сокращение делегации, пробормотал – «Меньше ушей! Меньше глаз!» и предложил «обмыть» купленный им «для

африканских приключений» винчестер аж с тремя стволами. Третий ствол, судя по диаметру дула, предназначался для динозавров и птеродактилей.

Ружье было достойно «обмыто», соответствующие слова произнесены. Отдельно Матвеем был поднят тост за удачливого продавца оружейного магазина, который сумел, по цене живого слона, сбыть явно витринное ружье, не имеющее, в глазах профессионалов, никакого практического смысла.

Уже перед самым развозом тел по домам, Матвей хотел, было, сказать своему шефу, что, во-первых, ехать в деловую поездку с охотничьим ружьем - не совсем тактично. А, во-вторых, подобный ствол уже может быть отнесен к категории боевого оружия и требует специальных мер транспортировки, таможенного оформления и промышленной упаковки. Но, глядя на счастливо сопящего в обнимку с ружьем будущего «хозяина джунглей», промолчал, решив сказать это завтра, накануне поездки.

Но портить отношения с шефом в этот раз не пришлось. Доказав, что сам обладает необходимой смекалкой и компетенцией, тот сам с утра связался со своими знакомыми в Таможенном комитете, где и получил соответствующие разъяснения. Объяснив Матвею, что, «к сожалению», им придется оставить чудо-ружье в Москве, шеф выразил надежду, что при организации сафари (а что за Африка без сафари?) принимающая сторона сможет обеспечить им необходимое снаряжение.

Робкое предложение Матвея сдать ружье в магазин заставило шефа покраснеть и промямлить что-то о внезапном закрытии магазина, увольнении продавца и неправильно оформленном чеке.

Поскольку цель их поездки была сформулирована достаточно туманно – «ознакомление с сырьевым потенциалом и предприятиями по переработке с целью поиска точек соприкосновения и перспектив налаживания взаимовыгодного сотрудничества», то весь предполетный день Матвей и его руководитель провели у карты африканского континента и у вороха распечатанных для них справок из всезнающей Википедии. Достоверно они знали лишь одно – летят они с одной пересадкой в столицу Замбии, Лусаку, откуда уже принимающая сторона, по своему усмотрению, провезет их по рудникам и предприятиям региона.

Такая расплывчатость цели командировки и готовность совета директоров сразу же одобрить эту довольно дорогостоящую «ознакомительную» командировку поразили всё и всегда знающего шефа. Особо его поражало, что никто из вышестоящих чиновников не включил себя в состав делегации, и им не прислали никого из «сопровождающих». И лишь Матвей иногда чему-то улыбался и тихонько посмеивался (про себя...)

Уже в самолете, удобно расположившись в синем кожаном кресле Аэрофлотовского бизнес-класса, шеф разоткровенничался. Он признался, что, когда после предложения Даана де Йонга «посетить их рудники и на месте подумать о перспективах возможного сотрудничества», он рассказал об этом на совете директоров, то первой реакцией был резкий отказ.

«Еще чего! Не получилось «хапнуть» наши редкоземы, так хотят «впарить» нам какой-нибудь «отстой» или вовлечь в сомнительное совместное предприятие» - цитировал шеф слова одного из директоров, известного интеллектуала, многоразового доктора и лауреата всяческих наук и даже

академика РАЕН, известной в околонуучных кругах, как «районная» академия.

В таком же духе высказался еще один из директоров, который тоже ознакомился с известной справкой Матвея о международной фирме де Йонга.

Но через пару дней эти же люди позвонили шефу и, извинившись за свое «непонимание сложившейся ситуации», разрешили поездку, порекомендовав включить в состав делегации Матвея. «Очень уж грамотную справку он тогда представил!»

Чудны дела твои, Господи! Или – не совсем Господи?

Отказавшись в пользу шефа от «аэрофлотовского» цыпленка и прочих микроскопических вкусностей, Матвей заменил их второй порцией виски и прекрасно выпался до пересадочной посадки.

Второй этап перелета проспять уже не удалось, и бодрый мозг с лихорадочной быстротой прокручивал возможные варианты развития предстоящих событий.

Не найдя в своих рассуждениях ничего успокаивающего, кроме – «А зачем им нас убирать?» Матвей тут же придумал простой ответ на этот «шекспировский» вопрос – «Подставить конкурентов. Китайцев, например. Ты ведь сам, дурак, придумал «китайских партнеров... Стратег фигов...»

Шагнув из кондиционированного салона на трап, Матвей словно вернулся в молодость. Серое, затянутое тучами, декабрьское африканское небо. Духота от непросохших луж прошлого дождя и предчувствие собирающегося. Наложённая на это более чем двадцатиградусная температура создает атмосферу не до конца протопленной, но залитой горячей водой, русской парилки, из которой мучительно хочется выбежать на свежий воздух. Этот период дождей, духоты и

серого, давящего на психику неба, называют на юге Африки сезоном самоубийц. Именно его боялись колонизаторы и, накопив денег, стремились уехать на эти три месяца на север континента или назад, в Европу. Но это – уже совсем другие деньги!

Де Йонг и несколько его сотрудников, одетых, почему-то в полувоенный камуфляж, встретили гостей прямо у трапа. Сам вице-президент, значительно более важный на «своей» земле, властным голосом почти приказал через переводчика:

- Багажные квитанции отдайте моим людям. Они принесут ваш багаж в мой самолет. Можем лететь в наш лагерь через двадцать минут.

- А как же проход границы? Штамп в паспорт? – попытался удивиться законопослушный генеральный директор.

- Не волнуйтесь. Это – моя Африка! – почти театральным жестом де Йонг прервал не начавшийся диалог.

Но неожиданно даже для Матвея его шеф встал в «боевую стойку».

- У нас был длинный перелет, и мы не готовы прямо сейчас куда-то лететь. По условиям поездки, мы сами оплачиваем перелеты и размещение. Сейчас я хочу получить багаж, увидеть штамп о пересечении границы в паспорте и поехать в гостиницу. Вечером надеюсь отужинать с вами. А завтра – продолжим визит.

«Браво!» - хотелось сказать Матвею, но он просто протянул паспорт и багажную квитанцию переводчику, спросив лишь:

- Где машина?

Де Йонгу пришлось умерить свое навязчивое гостеприимство и подвезти их сначала к зданию аэропорта, где русские получили свой багаж и проверили паспорта, а потом – в гостиницу.

К ужину наши вышли в тропических вариантах костюма. Матвей уже заготовил «извинительные» фразы, типа – «программой рабочей поездки не были предусмотрены протокольные мероприятия», но, войдя в ресторанный зал, увидел, что подавляющее большинство присутствующих были одеты в том же стиле. В черных пиджаках, галстуках и белых рубашках были только местные официанты и огромный, черно-лоснящийся метрдотель, важно сопроводивший их к столику, где уже сидели «камуфлированные» де Йонг, переводчик и неизвестный седой и загорелый мужчина с явно военной выправкой. Представив мужчину как президента их концерна «генерала Бриджеса», де Йонг «открыл» ужин тостом за прибытие русских гостей.

Слово сразу взял «генерал», в присутствии которого обычно бойкий де Йорг словно «сдулся» и притих.

- Я рад, что мой друг и коллега Даан нашел в далекой от нас России приятных людей, имеющих схожие с нами бизнес-интересы. Особенно приятно, что Даан встретил своего давнего друга – «генерал» многозначительно посмотрел на Матвея, - который, как я надеюсь, поможет нам найти точки соприкосновения и выйти на новый уровень сотрудничества.

Жаль, что у нас не получилось заключить контракт по известному российскому месторождению. Я понимаю, бизнес есть бизнес, тем более, что не вы являетесь владельцами предприятия и лицензии, а ваше государство. Я прекрасно понимаю и конкуренцию в сфере нашей деятельности. Я очень хорошо знаю настойчивость наших главных сырьевых конкурентов – китайцев, очень активных на всех континентах.

При упоминании китайцев шеф вопросительно посмотрел на Матвея. Тот ответил таким же вопросительным взглядом, метнув быстролетный взгляд в сторону де Йонга. Эта перестрелка взглядами не укрылась от внимательного «генерала».

«Хорошо получилось! – подумал Матвей, – Пусть генерал думает, что именно я «слил» информацию о китайцах де Йонгу. Ох, люблю я эти псевдо-шпионские игрища!»

- Итак, возвращаясь к цели нашей встречи, - продолжил «генерал», - наша фирма очень заинтересована в том, чтобы открыть свое представительство в вашей стране. Желательно, под протекцией какой-либо влиятельной и близкой в вашему правительству российской компании с общими с нами бизнес – интересами. Если мы найдем пути к реализации этой цели, мы будем очень признательны. Я подчеркиваю – очень! Лично вам...

О деталях вы можете говорить с Дааном. Я же, к сожалению, вынужден откланяться. Увы, дел много, а времени на них остается всё меньше...

Гуляйте, не стесняйтесь. Сегодня вас приглашает и угощает наш концерн! – при этих словах «генерал» очень выразительно посмотрел на «друга Даана». И сообразительный Матвей понял, что не только он знает о патологической нелюбви де Йонга платить из своего кошелька.

После ухода «генерала» де Йонг оживился. Улучшив момент, он подсел к Матвею и тихо, чтобы никто не услышал, прошептал:

- Спасибо, что подыграл и дал понять, что у нас с тобой доверительные отношения, и именно от тебя я получил информацию о планах китайцев на ваш рудник. Генерал

Бриджес понял, что ты – мой надежный источник. У него большие планы на тебя!

- А он действительно – генерал?

- Был, есть и будет. Видел, как он важничает! Генералы – они такие. Либо важничают, либо мертвые. Бриджес нужен нам живой, со своими связями. Потому и терпим. Пока...

Даан выпил лишнего и забыл о необходимости приглушать голос. Особенно, когда говорит про «генерала». Матвей увидел, как на де Йонга косится переводчик и постарался переключить внимание Даана на что-то иное:

- Мы в Африке? Или нет!? Где танцы? Где фольклор?

Де Йонг тут же побежал к метрдотелю, доставая на ходу свой бумажник. Матвей же, увидев, как на настойчивые расспросы переводчика его шеф стал что-то увлеченно рассказывать, показывая жестами, как он целится и стреляет из ружья, тут же прекратил, под удобным предлогом, этот нежелательный для него разговор.

Минут через десять, по знаку метрдотеля, в зале приглушили верхний свет и усилили подсветку сцены. Стоявший на сцене рояль, возле которого вполне прилично пела джаз темнокожая певица, закрыли на несколько минут занавесом. Когда его открыли, на небольшой сцене стояли несколько чернокожих танцовщиц в тростниковых юбках и накидках. Это облачение оживлялось вплетенными в него красно-белыми тряпками. Такими же красками были разрисованы лица танцовщиц, их животы и руки. За спинами девушек стояли несколько темнокожих танцоров в таких же тростниковых юбках. Их мускулистые черные тела были украшены костяными бусами. Лица были густо закрашены белой краской, как и деревянные щиты, которые они держали в руках.

Раздался могучий, словно утробный, звук огромного барабан. Сначала редкий, предупреждающий, он постепенно нарастал, пока не слился в единый рокот, где едва заметные промежутки между ударами заполнялись тревожным гулом натянутой кожи.

Говорят, африканские танцы имитируют либо охоту, либо воспроизведение рода. Так вот, в этот раз охотились они совсем не долго. Видимо, были сытыми.

А уж воспроизведению своего рода они предавались яростно и неистово. Щиты, тростниковые юбки и накидки летели со сцены с такой силой, что официанты были вынуждены ловить их, дабы не причинить вред посетителям ресторана. Из соображений морали, под бутафорской одеждой на танцорах (и танцорках) были такие же черные повязки, но, сливаясь с цветом кожи, и в полутьме зала эти повязки лишь добавляли эффекта, усиливая воображение.

На Матвея, не единожды видевшего подобные танцы непосредственно в джунглях, у костра, в естественных декорациях, это действо не произвело особого впечатления. Но многие бледнолицые посетители, особенно женского пола, смотрели на сцену с повышенным вниманием, затаив дыхание и забыв о еде и сотрапезниках. Даже Матвеевский шеф, забыв на время о вожделенном сафари, весь устремился взглядом на сцену, зачарованный этой первобытной магией сотворения жизни. С последним ударом барабана, заставившем весь кардебалет рухнуть на колени, в зале зажгли полный свет, застигнувший многих зрителей в несколько экзальтированном состоянии. Генеральный директор российской компании, увидев устремленные на него взгляды Матвея и переводчика, не растерялся и, промокнув вспотевшее лицо салфеткой, нашел в себе силы сказать:

- Эмоционально... У них не продается либретто этого балета?

Утром русских, проигнорировавших гостиничный завтрак по причине головной боли, довели до маленького аэродрома, где на летном поле их ждал легкий одномоторный самолетик. После посадки краснолицый де Йонг предложил своим гостям по большой жестяной банке с пивом. Матвей благоразумно отказался, а его шеф и явно страдающий похмельем Даан в два глотка осушили по первой банке и открыли по второй. Самолетик прытко поскакал по взлетной полосе и как-то особенно резво подпрыгнув, резко взмыл в серое небо. Там, наверху, он не прекратил свои кульбиты, отзываясь креном всего корпуса на любые дуновения ветра. Привычный к таким перелетам де Йонг спокойно и шумно пил очередную банку пива и, стараясь перекричать тарыхтение мотора, что-то показывал позеленевшему от тряски Матвеевскому боссу в маленький иллюминатор. Когда цвет лица босса принял землистый оттенок, а глаза стали предательски краснеть, де Йонг показал русским на пластиковый бачок с герметичной крышкой, стоявший вместе с какими-то ящиками военного образца в конце салона. Ситуацию спас Матвей, быстро заставивший своего босса проглотить спасительную таблетку от укачивания.

Через пару минут лицо «любителя сафари» приняло обычный цвет, а сам он с любопытством стал рассматривать лежащую под ними Африку.

Накануне, в ресторане, де Йонг успел рассказать, что они должны посетить рудник и предприятие по первичной обработке сырья в соседнем Зимбабве. На робкий интерес законопослушного генерального директора российской компании де Йонг громко засмеялся:

- Африка! Границ нет! Самолет!

Представляя себе карту полета, Матвей ожидал перелёта через пограничную реку Замбези и был просто поражен шириной и величием этого водного потока. Де Йонг подтвердил, что под ними находится водохранилище Кариба, образовавшееся после постройки электростанции.

Де Йонг наслаждался удивлением русских и не отказал себе в удовольствии похвастаться:

- Воды – много! Электричества – много! Сырья – очень много! Всё – наше!

Через пару часов полета самолетик резко нырнул вниз, буквально заставив желудки пассажиров допрыгнуть до горла, и резво поскакал по красной земле посадочной полосы. Снижение и посадка были настолько резкими, что Матвей не успел рассмотреть местность сверху, а приземлившись, увидел лишь жестяной ангар, несколько ржавых цистерн и спешащие к самолетику в клубах красной пыли два внедорожника. Уже ступив с хлипкого трапа на твердую землю, Матвей рассмотрел еще три замаскированных ангара, из открытых ворот которых торчали носы военно – транспортных самолетов, несколько вертолетов камуфляжной окраски и целый парк военных грузовиков.

Разместившись в подъехавшем Лэнд Ровере, явно предназначенном для «высоких» гостей, де Йонг, сам севший за руль, достал всем из холодильника по бутылке воды, прибавил мощность кондиционера и начал «экскурсию». Уже отъезжая, Матвей обратил внимание, что во второй внедорожник, над открытым кузовом которого был установлен пулемет (очевидно, вместо кондиционера), быстро погрузили те самые ящики из салона самолета.

Всю дорогу до места назначения второй автомобиль шел за ними, находясь на расстоянии пыльной завесы, творимой

колесами их машины и делающей невозможным разглядеть что-либо в заднее стекло. Матвей вспомнил, как в свой первый приезд в Африку, они передвигались по таким дорогам на открытых машинах. Отсутствие стекол, а зачастую и дверей, позволяло быстро покинуть автомобиль в случае подрыва на mine или обстрела, но при езде по пыльной дороге (а других тогда не было), уже через несколько минут толстый слой красной или серой пыли покрывал всё содержимое транспорта, включая лица, оружие и амуницию.

Быстро и аккуратно ведя машину по равнинной накатанной дороге, де Йонг продолжал рассказывать про этот регион Зимбабве, его историю, природные богатства и промышленный потенциал.

Начав с истории основания выходцами из Голландии, бурами, двух республик – Трансвааль и Оранжевой, перешел к их войне за независимость с Англией. История этих событий была хорошо известна Матвею и его боссу по популярнейшей в советские годы книге «Капитан Сорви – голова». К их удивлению, сам потомок тех самых буров, Даан де Йорк, ничего не слышал об этом бестселлере всех подростков нашей страны. Посетовав о «незаслуженной» победе в той войне англичан, де Йорк умолчал о том, как сами буры до этого стяжали себе славу самых жестоких колонизаторов Африки, их лидерстве в организации работоторговли и создании первых в истории концентрационных лагерей. Утомив пассажиров и переводчика историями о долгом периоде переделов колониальных владений на «чёрном» континенте, де Йонг перешел к теме природных богатств юга Африки. Описывая несметные залежи алмазов, золота, всяческих руд и редкоземельных элементов, он мечтательно закатывал глаза, причмокивал и словно щупал руками богатства, которые, по его словам, не должны принадлежать никому, кроме

европейцев, четыре века назад вступивших, а затем завоевавших Африку.

- Это ведь мы, голландцы, то есть наша Ост – Индийская компания еще в 1652 году открыла и освоила Мыс Доброй Надежды, первый и единственный тогда путь из Европы в Индию, пока эти итало-португало-испанцы искали его в Америке!

И знал ведь Матвей, что в Индию тверской (т.е. европейский) купец Афанасий Никитин хаживал еще в середине 15 века. А открыв Америку в конце того же 15 века, итало-португало-испанцы быстро поняли, что это не Индия, но тоже – ничего! Но не стал огорчать гордого бура своим разумением. Пусть тешится...

Постепенно местность за стеклами автомобиля стала преобразаться. Сугубо девственный пейзаж с бескрайней саванной, разбавленной островками тропических деревьев, сменился признаками долговременного присутствия человека. Стали попадаться скопления домиков. Сделанные из листов гофрированного железа или глины, эти домики были окружены свалками негниющих отходов, стайками тощих собак, босоногими детишками и женщинами в ярких разноцветных одеяниях. Женщины всегда были заняты своими извечными делами – стиркой в больших пластиковых тазах, готовкой у разожженных прямо перед домами кострах, кормлением детей. За многими домами виделись огороженные участки обработанной земли, где даже что-то цвело и колосилось.

Показывая на эти участки, де Йорк с гордостью рассказывал:

- Собирают по два урожая в год. Даже зерновые растут. Могут сами себя прокормить.

- А мужчины где? – русским не давала покоя гендерная справедливость.

- Мужчины с 14 лет работают на руднике и обогатительном производстве. (Для несведущих – «обогатительное производство» - это не то производство, которое обогащает, а то, где обрабатывают полученное сырье, увеличивая в нем содержание полезного). Одну смену скоро развезут по домам, а те, кто заступит потом, пока отдыхают. Работа ведется по 20 часов в сутки.

- А смен сколько?

- Конечно, две. Не одна же...

Когда группы домиков слились в две параллельные дороге линии, автомобиль остановился у переграждающего дорогу шлагбаума, сразу поднятого вверх при виде вынырнувшего из облака пыли представительского внедорожника. Охраны не было видно, но внимательный взгляд Матвея разглядел и торчащий из амбразуры ствол пулемета и несколько касок за стеной из бетонных блоков.

- Серьезно тут всё у них, - генеральный директор, по всей видимости, уже не так сильно хотел ехать на сафари.

Еще через пару сотен метров автомобиль въехал в так же предупредительно открытые ворота на чисто подметенный утрямбованный плац. Всё было как в образцовой воинской части. Флагшток с поднятыми флажками, изображение на которых невозможно было рассмотреть из-за стихнувшего ветра. Аккуратное центральное здание в колониальном стиле с застывшими у входных колонн караульными, отходящие от него и охватывающие весь плац одноэтажные постройки – рукава, с безликими стеклами окон. Вдали виднелись добротные гаражи, ангары и другие хозяйственные постройки.

- Это – наш учебный центр подготовки охраны для предприятий. Готовим охранников не только для этого района, но и для других, а также соседних территорий. Здесь – их штаб и общежитие. В гостевом отсеке здания приготовлены комнаты для вас. Там есть душ, туалет и кондиционер. Телевизора и покрытия для мобильной связи, извините, нет. Руководство компании считает это излишней роскошью. Спутниковые телефоны – только у командования, то есть у руководства компании. Нужно будет позвонить, обращайтесь ко мне или к переводчику.

Сейчас вас проводят в ваши комнаты. Отдыхайте. Вечером – обед, после которого можно пойти в наш бар. Там, кроме спиртных напитков, есть бильярд и другие настольные игры. Для вас – всё бесплатно. За этим проследит переводчик. Как видите, здесь – просто курорт.

А завтра, с утра, экскурсия на прииск и обогатительную фабрику. Вечером, если будет желание и останутся силы, могу свозить вас в столицу этого государства, Хараре. Но это – завтра, а пока - отдыхайте. Грязную одежду можете сложить в корзину у комнатной двери. Туда же можно поставить обувь. К утру одежду постирают и погладят, а обувь – почистят.

Матвея и его начальника развели по комнатам. Причем как обнаружил Матвей, комната переводчика находилась между ними. Едва успели принять душ и переодеться, как их пригласили на обед.

За столом в небольшой, по-спартански обставленной комнате, с ними сидели еще несколько загорелых и по-военному подтянутых мужчин в камуфляжной форме. У одного из них Матвей заметил свежую повязку на руке, которую тот старательно прятал под стол. Обед прошел в полном молчании и без капли спиртного. Черные официанты, которых называли коротким именем «Бой», моментально

реагировали на жесты обедающих и старались ни единым звуком не нарушить благоговейную тишину.

Завершив трапезу, гости хотели выйти на свежий, или хотя бы казавшийся свежим, воздух, но подошедший к ним переводчик вежливо сообщил, что «господин вице-президент приглашает господ проследовать в бар». Матвея давно подмывало спросить переводчика, отчего в его речи часто используются так называемые архаичные обороты – «что изволите, соблаговолите», но он счел такой вопрос бестактным и просто промолчал. Бар находился в дальнем конце второго крыла здания, и им пришлось пройти мимо дверей всего общежития. Было похоже, что основная часть «отдыхающих на курорте» находилась «на процедурах», поскольку в коридоре царила тишина. Но за некоторыми закрытыми дверями слышался явный шум жизни, с музыкой, криками, смехом и топотом веселящейся мужской компании. В какофонии звуков трудно было выделить какой-то определенный язык, но Матвей готов был поклясться, что отчетливо слышан пару слов на русском, причем, не самой нормативной лексики.

В баре было немногочисленно. Посетители, среди которых Матвей узнал и поздоровался кивком головы, были их недавние сотрапезники, расселись с напитками по дальним столикам, куда почти не доходил свет стойки бара. Пара человек лениво катали шары по красному сукну бильярдного стола.

Переводчик посадил их за выбранный стол, осведомился об их спиртовых предпочтениях и принес с барменом заказанные напитки и несколько тарелочек с закусками. Как воспитанные люди, русские пригласили переводчика за свой стол. Не менее воспитанный, а скорее – хорошо проинструктированный переводчик согласился. Неловкую паузу нарушил, кто бы вы думали? – Матвей:

- Вы очень хорошо говорите по-русски. Это – ваш родной язык?

- Один из, - «толмач» был не многословен. Это и понятно, ему ведь потом отписываться по каждому слову.

- В вашей речи много архаизмов, не свойственных уже современному языку, - неугомонному Матвею хотелось поговорить и хоть что-то узнать. Нового и, возможно, полезного.

- Так было принято в семье, у нас есть русские корни. Еще дореволюционные, - не пошел на откровенность переводчик и сделал «рокировку»:

- Не возражаете, если я отлучусь? Бармен говорит на многих языках, как и вы. Господин вице-президент заканчивает деловую встречу и обещал скоро быть с вами.

Даже отсутствие свидетеля не побудило наших героев к откровенности. «Господин генеральный директор» уже открыл, было, рот, чтобы откровенно изложить всё сокровенное, что накопилось у него за время поездки, но Матвей аккуратно подал ему знак «Молчать!», показав глазами на стены, потолок и стоящего рядом с ними бармена – полиглота. Бедолага босс вздохнув и заказал еще виски. Два. Двойных.

Во дворе, со стороны плаца, раздался шум и даже одиночные выстрелы. Остальные посетители бара даже не пошевелились, но чуткие и любознательные русские тут же воспользовались тем, что рядом с их столиком была незапертая дверь наружу, а «сторожа» с ними не было. Выскользнув наружу, они сразу убедились, что горячий и влажный воздух совсем не «свеж». Плац был ярко освещен прожекторами, и в их свете они увидели прибытие нескольких армейских вездеходов, набитых людьми в камуфлированной униформе и до зубов вооруженных.

Судя по неистовому веселью выскакивающих из машин бойцов, они явно одержали судьбоносную победу над смертельным врагом. Они кричали, пытались пританцовывать, пили из горлышек фляг и бутылок, стреляли в воздух. На поднятый ими шум из центрального здания вышел высокий и поджарый мужчина с седой головой. Матвей узнал «генерала Бриджеса». Генерал поднял руку и что-то негромко сказал, что не произвело никакого впечатления на бесновавшуюся толпу вооруженных людей. Тогда генерал вырвал из рук стоящего рядом часового автомат и, не целясь, от живота дал длинную очередь поверх голов толпы.

Те, как не странно, успокоились. Даже не пытаюсь объяснить, что их «не правильно поняли», они выстроились нестройной шеренгой перед генералом. Приняв рапорт от какого-то бородача и отдав тому команду, генерал сунул автомат в руки часовому и спокойно вернулся в здание.

Бородач несколькими словами утихомирил беснующихся. Несколько бойцов выгрузили из машин группу связанных африканцев и отвели к одиноко стоящему каменному бункеру. Остальные, с нестройным, но уже не таким громким ропотом, направились в казарму – общежитие.

- Что это было? – только и успел спросил генеральный директор, которого Матвей очень быстро направил обратно в бар к их столику. Только они присели, в бар вошел де Йонг. Обменявшись парой слов с барменом, который, видимо, рассказал, что «русские» проявили любопытство, Даан присел со стаканом к их столику.

- Ну что? Видели наших охранников? Молодцы ребята – предотвратили мятеж. А, может, и диверсию на руднике? Перенервничали... Бывает. Но всё – под контролем, и завтра можем ехать. На другой прииск. На этом завтра будут... искать

взрывчатку. Но под нашей охраной здесь много предприятий, почти весь регион. И производство везде одинаковое.

- Так это – ваши предприятия, или вы их просто охраняете? – подал голос российский директор, которому Матвей перевел слова де Йонга.

- У нас везде есть пакет акций. Блокирующий или даже контрольный, что позволяет полностью руководить производством. Вас ознакомят с бумагами. Можем направить их копии вашим юристам, если хотите...

В этот раз де Йонг повел их к спальням по улице, не решаясь, по всей видимости, проходить коридором вдоль комнат, куда вернулись возбужденные постояльцы. Проходя по ярко освещенному плацу мимо еще стоявших на нем автомашин с навесными пулеметами, Матвей увидел, как среди отстрелянных гильз, пустых банок и бутылок, жирно блестели темные пятна, похожие на кровь.

Спрашивать о чем-то еще «радушного хозяина» де Йонга не было смысла, да и не хотелось. Матвей ждал решающего разговора, ради которого их и пригласили в эту поездку.

Насладившись душем, легли спать. Было бы неправдой писать о том, что ночь прошла для Матвея и его руководителя спокойно, без мрачных сновидений.

Утром, при первом, еще робком, появлении света в зашторенных окнах, гости были разбужены бесцеремонным стуком в двери. После более чем скромного завтрака русских препроводили в тот же представительский внедорожник, начищенный до зеркального блеска. Но уже через несколько минут езды по бушу, то есть по пыльной равнине с редкими группами деревьев, чистыми остались только просмотровые амбразуры на лобовом стекле, оставляемые «дворниками». Правда, и дороги в этот раз не было. Были лишь накатанные

колеи, пересекавшие в разных направлениях эту африканскую равнину.

Нет дороги – нет шлагбаума с пулеметом. Но зато есть сплошной забор из гофрированных листов жести, поверх которого, на высоте около трех метров, была хорошо видна колючая проволока. Не хватало лишь знакомой таблички – «Не влезай – убьёт!». Впрочем, как и подобает пиратам, охранники украсили забор картинкой с грубо нарисованным черепом.

Ворота гостеприимно распахнулись, и автомобиль остановился перед типичным административным домиком, крыша которого была утыкана внушительными антеннами. Два больших ржавых автобуса, на которых, очевидно, развозили смены рабочих, закрывали собой другие административные постройки.

После представления руководству рудника и обогатительной фабрики, гостей подвели к входу в шахту, внешне напоминающий подземный бункер с выползающей из стальных ворот змейкой вагонетной дороги. В тот момент, когда они подошли к воротам, те со страшных скрежетом открылись, и показался состав из пары десятков грязных вагонеток, доверху заполненных кусками руда. Состав тянул такой же грязный паровозик, которым правил еще более чумазый машинист. Вдоль рельсового пути было протоптана дорожка, показав на которую де Йонг предложил гостям, «при наличии такого желания», зайти внутрь. Сам он, как и одетые в чистые комбинезоны руководители рудника, делать этого не собирался. Видя, что гости не «горят желанием» войти в шахту, де Йонг просто объяснил, что основной «ствол» шахты, куда заходит состав вагонеток, тянется метров на двести. А из него расходятся узкие «штреки», в которых рабочие вручную рубят куски руды и в корзинах таскают её к вагонеткам.

У выхода из шахты металлической сеткой был отгорожен загон, где стояли и сидели на корточках десятка полтора африканцев в немисливо грязных одеждах. На молчаливый вопрос русских де Йонг нехотя ответил, что рабочие могут несколько раз за смену подышать свежим воздухом, поскольку в шахте воздух «не совсем чистый».

«Обогащительная фабрика», на которую привел гостей де Йонг, представляла собой огромный ангар, по которому в разных направлениях бежали несколько конвейерных лент. Чудовищный грохот огромной камнедробилки, куда сначала попадала руда, заглушал любой другой звук. «Гостеприимные хозяева», остановившись у самого входа в фабрику, не стали ничего объяснять, просто показав жестом, что гости могут войти и насладиться созерцанием рабочего процесса. Желания «насладиться» у гостей почему-то не возникло, но суть «рабочего процесса» они увидели.

Раздробленная руда попадала на конвейерные ленты, вдоль которых сидело около сотни чумазных африканцев, тяжелыми молотками разбивавших куски руды на еще более мелкие, которые, уже в конце «процесса», вручную сортировали по разным корзинам. Эти занимались, в основном, женщины и дети.

Экскурсия заняла не более часа, после чего гостям дали возможности умыться и стряхнуть специальными щетками пыль с одежды. Последовавший обед (или, по «ихнему» - второй завтрак) был вкусен и обилен. К нему подавали, на выбор, весьма недурные пиво и вино, что, видимо, должно было скрасить возможные негативные нюансы виденного.

После десерта де Йонг сделал знак «руководству рудника», и те молниеносно исчезли. Гости поняли, что наступает «момент истины».

Налив себе еще один бокал пива, де Йонг встал из-за стола и подошел к окну, незаметно, как ему казалось, включив миниатюрный диктофон. Как хороший актер, он выжидал паузу, ожидая, что она придаст большей весомости его словам.

- То, что вы видели – это лишь начальный этап работы с металлами редкоземельных групп. Обогащенная руда поступает на металлургические предприятия, которые тоже есть в нашем холдинге. Там она переплавляется и затем поставляется покупателям. Но она не просто переплавляется, но и теряет свою идентичность. После печи уже практически невозможно определить, из какого месторождения получена руда. А если в процессе переплавки произвести несколько хитрых манипуляций, тайна происхождения металлов останется тайной навсегда.

Африканская земля так богата, что её недр хватит на века. Мода на использование разных металлов и потребность в них все время меняется, но в этой земле есть всё. На любой вкус!

Политические игрища тех, кто правит этим миром, тоже все время меняются. То им нужна полная свобода, то демократия, то зеленая энергетика, то атомная или водородная. И надо подо все это подстраиваться, если хочешь жить. И жить хорошо!

У нас хорошо налажен бизнес здесь. Это – наша земля, политая кровью наших предков. И мы будем держать её, на сколько хватит наших сил. Но наши стратеги решили, что нынешние покупатели всех этих редкоземельных штук могут поддаваться укрепляющимся в мире настроениям и сократить, а то и совсем отказаться от нашего товара. Видите ли, мы его «грязно» добываем! Да и конкуренты с новыми технологиями поджимают. Хотя неизвестно, что грязнее –

использовать рабский труд или закачивать в землю кислоту, после которой сотни лет не будет ни растений, ни животных, ни самих людей!

Поэтому, пока мы занимаемся этим направлением, нам нужно прикрытие – добычники и производители той же группы минералов, но известные на рынке другими технологиями. С китайцами, активно влезаящими в любой бизнес, договориться на наших условиях невозможно. Мы выбрали вас. Не требую немедленного ответа, но решайте. Мы предлагаем прямой доход и вашей государственной компании, и вам – лично. О цифрах всегда можно договориться, не будем сейчас это обсуждать. Важно ваше принципиальное согласие, а форму сотрудничества мы выберем. Наши предложения, разумеется, без упоминания конфиденциальных вопросов сделки – вы понимаете, о чем я? – и наши учредительные документы мы передадим вам перед отъездом. Подумайте, посоветуетесь и дадите нам знать. Мы же с вами – профессионалы!

Сегодня, если хотите, можем съездить в столицу. Обещаю экзотику! А завтра – перелет в Бельгийское Конго, или, как его сейчас называют, Заир, и вы увидите, как мы добываем колтан.

- Скажите, Даан, а колтан там тоже в шахтах добывают? – подал голос генеральный директор, и Матвей понял, как тому не хотелось лететь на эти раскопки.

- Не совсем. Там нет вагонеток и центральной шахты. Просто дыры... ямы в земле, откуда руками и лопатками выгребают руду. Ямы – маленькие, поэтому работают, в основном женщины и дети. Это – их частный бизнес. Руду они сдают... нашему приемщику.

И, кстати, к вопросу об эксплуатации и рабских условиях проживания и работы. Вы знаете, что, когда в ЮАР

знаменитую алмазодобывающую компанию Де Бирс обвинили в том, что ее работники проживают и трудятся в антисанитарных условиях, те честно решили всё изменить. Они купили всем рабочим специальную одежду, построили для них поселок с водопроводом, канализацией и электричеством. Пригласили кучу журналистов и сделали специальный репортаж. Через месяц туда же пригласили тех же журналистов. И что те увидели? Африканцы сняли с себя и продали всю спецодежду, вернув свои тряпки. А в новеньких домах они сломали санузлы и кухни, разжигая для приготовления пищи костры во дворе! Вот вам и цивилизация...

Опять промолчал Матвей, хотя прекрасно знал ту историю.

Он знал, что рабочим выдали прорезиненную спецодежду и резиновые же сапоги, в которых невозможно работать в душной шахте при сорокаградусной жаре. А домики с водопроводом, канализацией и маленькой кухонькой полностью противоречили традиционным устоям, привычкам и верованиям африканцев. Плюс, как об этом осмелился написать один из южноафриканских журналистов, погромы спровоцировала сама компания Де Бирс, поддержанная руководством расистской (тогда) ЮАР.

Довольный своей речью и молчанием гостей, де Йонг провозгласил:

- Итак, вперед, в Хараре! Африканская еда, танцы, женщины... Переодеваться будем заезжать? Я уверяю, что формализма в одежде и в поведении там еще меньше, чем было в Лусаке.

Глядя на сделавшего страдальческое лицо своего напарника по поездке, Матвей попросил:

- А нельзя заменить Хараре поездкой на дикую природу? Мы не будем стрелять и убивать бедных животных. Только фото. А рога мы потом в Москве... достанем.

Украдкой от де Йонга босс показал Матвею большой палец.

Радостный от того, что ему удалось провести под магнитофонную запись «вербовочную» беседу, де Йонг настоял на необходимости заехать в центральный офис – «В буше нужны прочные высокие сапоги из буйволиной кожи, выдерживающие укусы змею и жало скорпиона, куртки, закрывающие руки и шею, шлем. А также проводник и особая машина!»

Экипировав соответствующим образом российских гостей, сам де Йонг увернулся от участия в фото – сафари, представив им проводника – рослого загорелого мужчину средних лет.

- Переводчик вам не понадобится. Душан знает русский.

И вот это была Африка! Душан прекрасно знал местность, места выпаса и водопоя всего многообразия животного мира этого уголка Африки. Он показал им грациозных жирафов, элегантно ощипывающих верхние листочки деревьев. Им встречались стада антилоп, настороженно пасущиеся и молниеносно срывающиеся с места при приближении опасности. Московские гости узнали, наконец, разницу между антилопой стенбок и импалой, которую они наивно считали просто маркой автомобиля.

У водопоя удалось увидеть стадо буйволов, бдительно охраняющих своими мощными рогами свое потомство от охотящихся на них крокодилов. Там же они увидели нежащихся в воде бегемотов, не обращающих никакого внимания на проплывающие мимо брёвна крокодилийх спин. Даже слоновью семейку показал им несловоохотливый

Душан. Он же сердито крикнул увлекшемуся своей фотоохотой генеральному директору, не услышавшему опасного предупреждения в раздавшемся львином рыке.

- Левица. Детки. Убьет, - просто сказал Душан запыхавшемуся боссу, когда тот начал возмущенно объяснять, какой кадр ему испортили.

Пока ехали к очередному месту съемок, Матвей, сидевший рядом с водителем Душаном, пытался разговорить его. От молчаливого и не так хорошо знавшего русский хорвата удалось узнать, что он знает де Йонга много лет, вместе «работали» в Югославии. Случайно Душан обмолвился о том, что в Югославии у Даана была жена, умершая там при родах. «Она сама была лекарка, хирург, сердце пересаживала». Чье сердце и кому пересаживала, выяснить не удалось, хотя мрачная фантазия Матвея уже рисовала ему картины нелегальной трансплантологии, которая, как известно, активно практиковалась во время кровавых югославских событий.

Из полезного удалось узнать, что свой русский язык, который он учил в школе, Душану приходится применять редко, хотя в последнее время «в лагерь» часто приезжают русские.

- А и те русы, что приходят, не все русский хорошо понимают. В России, как раньше в Югославии, много краин и народов. Но понимают русский все.

Слово «лагерь» насторожило Матвея, и он, как бы вскользь, спросил:

- А что, у лагеря уже всех зверей разогнали? Раньше ведь много видели.

Пожевав в задумчивости губы, Душан процедил:

- То давно было... Ныне там шумно. Бегают, стреляют. Снаряды... Звери ушли.

Не зря день прошел.

Вернулись на базу уже в полные сумерки. Пока Матвей и счастливый фотоохотник приводили себя в порядок, Душан, как и следовало ожидать, подробно, насколько мог, проинформировал де Йонга о поведении и расспросах русских. Матвей это понял по насупленным бровям и настороженному взгляду своего «друга» и сам решил пойти в наступление:

- Не сердись на Душана, но он случайно обмолвился о том, что ты потерял жену. Мои соболезнования...

- Да, я – вдовец. Мы познакомились и прожили пару счастливых лет в Европе. Она была врачом. Трансплантологом. Погибла случайно. Да, Мэтью, ты ведь не случайно интересовался тренировочным лагерем для наших охранников?

- Зачем он мне нужен? У нас есть своя охрана и система их подготовки. По-моему, в схему нашего возможного сотрудничества подготовка охраны не входит...

- Пусть будет так, - де Йорк явно не поверил Матвею и нахмурил брови.

Еще больше он нахмурился, когда за ужином русские сообщили ему, что не видят смысл в посещении месторождения колтана, поскольку не увидят там «ничего нового», а хотели бы уже завтра вернуться в Лусаку, где через два дня у них забронированы обратные билеты.

Де Йонга это сообщение застало явно врасплох. Он долго молча, шевеля губами, словно обдумывая ситуацию. Потом встал из-за стола, подошел к столу и демонстративно достал

из кармана своего френча спутниковый телефон. Нажав кнопку и глядя прямо на русских, сказал:

- Генерал, русские не хотят лететь на добычу колтана. Они просят отвезти их в Лусаку, откуда полетят в Москву. Хорошо. Принято.

Глядя на гостей и, включив «громкую» связь, де Йонг спросил:

- У вас остались какие-либо вопросы к нам?

- Сколько мы должны за перелеты по континенту, экскурсию по бушу и проживание? Мы ведь договаривались, что эти расходы несем мы, - голос генерального директора был тверд и убедителен. Таким же голосом Матвей постарался перевести слова своего руководителя. Вышло даже более убедительно...

Ответ генерала был лаконичен:

- Ничего не надо. Это – наш подарок.

«Прощальный» - подумали оба гостя, но не подали вида.

Утром, усаживаясь в уже известный им самолетик, Матвей снова обратил внимание на то, что задняя часть салона была заставлена ящиками. Мысль о том, что хозяева не будут уничтожать свою продукцию ради смерти русских, несколько успокоили Матвея. Но чувство тревоги вновь оживилось, когда он увидел, что у занимающего кресло пилота лётчика на поясе висит мешок малого парашюта. Вид влетающего в пассажирский салон де Йонга (без парашюта), несколько успокоил нашего героя, но, всё равно, каждый прыжок самолета по аэродромной кочке, а затем каждый крен и провал в воздушную яму, тяжело сказывались на психике Матвея.

Когда полет, к высочайшей радости русских, был благополучно завершен, спина Матвея, даже сквозь рубашку и защитную куртку, была мокрой. Увидев такую же куртку у своего босса, он даже не нашел в себе сил пошутить.

Де Йонг, которого у трапа встречала машина, любезно, но молча довез гостей до гостиницы. Прощаясь у дверей, он попросил Матвея о конфиденциальной встрече вечером в баре отеля.

Добравшись до своих номеров, путешественники с наслаждением приняли душ, переоделись и засунули пропотевшие вещи в мешки «Для стирки». Встретившись затем в холле, направились, было, в сторону ресторана, но затем, посмотрев друг на друга, не сговариваясь, повернули в сторону бара, где и проигнорировали обед. Им, особо, и не надо было говорить что-то друг другу. Во-первых, не у себя дома. А во-вторых, еще не долетели до родной земли. Тихонько выпивая, поговорили о фотоохоте, превратностях судьбы, занесшей их в Африку, планах посетить и хорошенько попариться в бане по возвращении. Когда поднялись к себе, босс попросил к ужину его не будить, а поднять утром. Они планировали взять после завтрака такси и проехать с экскурсией по Лусаке.

Очень хотелось спать, но через пару часов его ждал де Йонг, а этой встречи пропустить было нельзя. И очень опасно. За полтора часа, которые ему дал будильник, Матвей просмотрел все свои тревожные сны, и не единожды был предупрежден своим внутренним голосом об опасности.

В назначенное время пришедший в себя, помытый и благоухающий парфюмом Матвей был в баре, где его уже ждал столь же благопристойный де Йонг, сменивший свой «камуфляж» на приличный костюм.

В духе джентльменов средневековья поприветствовали друг друга и начали, было, ни к чему не обязывающую беседу. Первым не выдержал Даан:

- Мэтью, хватит игр! Ты знал правду о нашем концерне. Наш источник в Москве рассказал о том документе, который ты подготовил для членов совета директоров. Да, у нас есть источники в вашей стране, и мы не зря вышли на вашу компанию. Не просчитали только твоего там появления...

Ваши люди следили в России за мной и моими помощниками. Ты можешь знать и о втором лице нашей фирмы – подбор, подготовка и предоставление вооруженных людей заинтересованным людям и странам. В Москве ты ввел меня в заблуждение твоей якобы готовностью сотрудничать и давать мне информацию. Твой «вброс» о якобы проявленном китайцами интересе к вашему предприятию не подтвердился!

Но тогда я этого не знал и дезинформировал моих руководителей о том, что у меня появился еще один ценный источник в Москве. То есть, ты подставил меня и перед моим начальством. Так или не так? И в Африку ты приехал только ради того, чтобы убедиться в наличии у нас лагерей по подготовке наемников и нашему интересу к россиянам. Душан мне всё выложил...

- Всё так, мой милый друг. Но есть еще один нюанс, о котором ты, по всей видимости, еще не знаешь.

Там, в вашем центральном офисе со мной лично встречался твой генерал Бриджес. Его интересовали обстоятельства нашего знакомства тогда, в Гвинее. И еще он спрашивал меня, сколько ты заплатил мне в Москве. Ты, ведь, платил мне некую кругленькую сумму? На первый раз, без расписки. Ведь именно это ты доложил генералу.

Потом я рассказал ему, что ты, по доброте душевной и в обмен за информацию о китайцах, рассказал мне о сети ваших

вербовщиков в России. Ты ведь хотел привлечь меня и для этой работы, а потому «сдал» мне парочку из них. На кого они теперь работают!?

Генерал был так зол на тебя и проникся таким уважением к моим оперативным талантам, что предложил мне твое место в синдикате...

И еще я поведал бравому генералу о заговоре против него в вашей фирме, где среди заговорщиков ты играешь не последнюю роль.

Я сказал, что ты мне рассказал о себе и вашей фирме всё, включая тайные пересадки органов в Югославии, где участвовала твоя жена. А кто убил её? И за что?

Генерал был удивлен, узнав от меня, что единственным вопросом, который остается для меня тайной – это цвет твоих волос, вдруг ставший из рыжего черным. Ты знаешь, что сказал на это генерал? Он рассмеялся своим отрывистым смехом, похожим на лай собаки, и признался, что ты перекрасился по его совету. Потому что всегда был для него черным жадным шакалом!

Это была последняя капля.

Доведенный до бешенства словами Матвея, де Йонг бросился на него. Но тот был начеку и незаметно для окружающих обездвигил Даана, нанеся тому молниеносный удар в солнечное сплетение. Корсет на «гусе» если и был, то не смягчил совокупного воздействия кулака и ненависти. Сказав бармену сакраментальную отговорку о «перепившем друге», он перетащил грузное тело на диванчик в темном углу бара и сжимая кисть руки «дикого гуся» в болевом зажиме, продолжал с ним «любезный» разговор.

- Сейчас мы спустимся с тобой в туалет, а потом ты уедешь, и я никогда больше тебя не увижу. И берегись

генерала и его людей. Он гарантировал мне безопасность и проследит за нашей посадкой в самолет. Не дай Бог, его люди увидят тебя. Ты понял? Кивни, если понял,- Матвей ослабил болевой зажим.

Де Йонг кивнул. Видя его адекватность и готовность подчиняться, Матвей продолжил, развивая успех и не теряя темпа допроса:

- Так, когда и куда ты убежишь?

Не до конца пришедший в себя от болевого шока, де Йонг прошептал:

- В Бангкок. У меня там дом и бизнес...

Матвей снова сжал ладонь де Йонга в болевом приеме, и потерявший от боли способность сопротивляться, «гусь» покорно проследовал с Матвеем. В подвальном помещении, в узкой складской комнате де Йонг был благополучно оглушен попавшимся под руку тяжелым предметом, туго связан подручными веревками и скотчем, и с засунутым кляпом уложен на кучу грязных скатертей и полотенец. Заперев за собой дверь и сломав в замке ключ, Матвей со спокойной уже совестью поднялся в бар, выпил прощальный на сегодня стаканчик виски и пошел в номер.

У номера босса, на двери которого висела табличка «Не беспокоить» стояла нарядно упакованная коробка с вложенной визиткой. Быстро забрав коробку в свой номер, Матвей сначала посмотрел визитку. Увидев имя – Даан де Йорк, он быстро вскрыл коробку, предварительно встряхнув её и прослушав на наличие тикающих механизмов. Внутри коробки, укутанная в упаковочную бумагу, а затем еще и в металлическую фольгу, лежала выточенная из слоновьего или носорожьего бивня фигурка слона. Изящно и с большим искусством вырезанная искусным мастером, фигурка в

точности повторяла все изгибы тела могучего животного, поднявшего в гневном порыве свой хобот.

Там же лежала открытка с видом пасущегося на просторах буша стада антилоп. Рукописный текст на открытке гласил – «Пусть эти вещи напоминают вам о прекрасном времени, проведенном в Африке».

Всё выглядело невинно и трогательно.

Но зачем металлическая фольга, в которую была завернута фигурка?

Внезапная догадка, как молния, озарила Матвея.

Быстро завернув фольгой слоновью статуэтку, Матвей снова завязал коробку, спрятав её, на всякий случай, в холодильник. Бутылочки мини – бара пришлось при этом вынуть. «Если догадка верна, надо нейтрализовать возможное воздействие на организм» - лихорадочно соображал Матвей, вспоминая всё то небольшое, что он знал о радиации. Свинцового пояса, как в кабинете рентгена, и запаса свинцовой дроби у него с собой не оказалось, но он вспомнил рассказы о чернобыльской трагедии. Тогда рассказывали, что в самой зоне заражения выжил только один рабочий, которому, якобы, помогло состояние сильного алкогольного опьянения, по причине которого он и уснул на рабочем месте перед самой аварией. Правда это или выдумка, рассуждать было некогда. А бутылочки из мини – бара – вот они. Ну и всё!

Проснувшись не с самой свежей головой (бутылочки – то были разные!) Матвей разбудил своего ничего не подозревающего босса, отвел его завтракать и сказал, что в план их экскурсии по Лусаке надо внести одно изменение.

Матвею надо было заехать в российское посольство. На удивленный ответ еще не до конца проснувшегося начальника Матвей ответил ясно и весомо:

- Надо!

В посольстве, в здание которого Матвей вошел с подарочной коробкой, уже, естественно, знали о его присутствии в этой стране и «горели желанием» оказать необходимую помощь. Спасибо знакомому из ...жилконторы.

Специально обученный человек тут же просветил коробку на имеющемся в каждом посольстве рентгеновском детекторе и... зафиксировал повышенный радиационный фон.

Договорившись о том, что заедет за результатами вскрытия статуэтки ближе к вечеру, Матвей продолжил экскурсию, пугая своего коллегу вглядыванием в случайных прохожих и проезжающие автомобили. Лусака, это смешение добротных колониальных домов, вычурных башен – небоскребов и разудалых африканских пригородов, со специфическим запахом постоянно готовящейся на открытом воздухе еды, обилием ярких красок в одежде женщин, таскаемых ими на всех местах своего тела ведрах и тазах, им понравилась. Даже рискнули поесть в каком-то оживленном ресторанчике, владелец которого имел трех шеф-поваров – индуса, китайца и африканца, и явно хотел притащить им на стол все кулинарные шедевры каждого из них. Оплаченную ими, но не съеденную еду, видимо, еще долго доедали все неимущие того района. Ну и - на здоровье!

В российском посольстве Матвею сообщили, что в брюхе статуэтки слона было искусно вырезана, а затем заклеена и задекорирована ниша, в которую были плотно вложены несколько пластин изотопов.

- Само излучение не очень сильное. Опасно лишь длительное воздействие, - объяснил Матвею специально обученный сотрудник посольства.

- А зачем нужна была фольга?

- Чтобы не зафиксировал рентгендетектор аэропорта. Похоже, эту штуку неоднократно использовали для контрабанды. Удобно...

- А теперь статуэтку можно взять?

- Ни в коем случае. Радиация могла остаться на материале изготовления. Саму статуэтку и эти пластины надо изучить в стационарной лаборатории в Центре. Я могу вам сообщить только предварительные результаты. Мы соберем всё, как было, и отправим диппочтой в Москву.

- А рентген?

- Диппочту при отправке не светят. В Москве будут предупреждены. А чтобы дипкурьеры не пострадали, мы в коробку еще свинцовый поглотитель упакуем и дополнительной фольгой обернем.

Разговор проходил в переговорной комнате посольства, стены которой были щедро украшены картинами и сувенирной продукцией. На одной из полок Матвей увидел до боли знакомый сувенир – матрешку. И дерзкая мысль посетила его.

- Дружище, а не подаришь мне такую матрешку. Слоника забрал, хоть девчонок русских на память взять...

- Да бери. Их у нас много...

Взяв одну из кукол, внутри которой помещалось еще шесть или семь её сестер, Матвей отправился в гостиницу. По пути он свернул в узкую боковую улицу из категории «иностранцам не ходить» и купил у какого-то бродяги пакетик с подозрительного цвета порошком, потом – еще у одного и за углом - еще. Покупать много у одного продавца было бы опасно. В мелочной лавке купил одноразовые резиновые перчатки, подарочную коробку, набор фломастеров и маленький тюбик суперклея.

Поднявшись в номер, он обнаружил, что ему принесли выстиранную и выглаженную одежду, которую он оставлял в специальном мешке. Он хотел уже упаковать костюм в дорожную сумку, но чёрт опять дернул его за руку. Разложив одежду на кровати, он внимательно её осмотрел, прощупав каждую складку.

Так и есть, в клапан нагрудного кармана защитной куртке аккуратно зашит такой же мешочек, какой он только что купил на улице. Изъяв пакетики и убедившись, что ни в этом комплекте, ни в других вещах, больше нет никаких сюрпризов, Матвей уложил все в дорожную сумку, поставив на молнии и замке особые метки.

Затем, сев за рабочий столик с настольной лампой, приступил к подготовке задуманного злодейства. Око за око, друзья мои...

Надев перчатки и аккуратно открыв матрешку, Матвей извлек и также открыл всех её сестренок – вкладышей. Выбросив в унитаз самую маленькую, сплошную, без секрета открытия, Матвей высыпал содержимое всех купленных им пакетиков, а также подаренного неназванным другом, в следующую по размеру многострадальную русскую матрешку. Оказалось, порошка слишком много. Смыв избыток в тот же унитаз и смазав края половинок клеем, закрыл куклу. Дождавшись полного высыхания, точечными касаниями фломастерами к краям склеивания, добился почти полной незаметности шва.

Большая матрешка была собрана и упакована в подарочную коробку. Нацарапав на открытке – «Спасибо за всё!», положил туда же. Фугас собран. Хотя уверенности в том, что он сработает – никакой.

Закончив работу, почувствовал Матвей ответственность за своего коллегу, которого, как получается, он втянул в эту

авантюру. Выйдя из номера, он повесил табличку «Не беспокоить» и поставил тайную метку на вскрытие. Ну, что за жизнь... Есть же обычный туризм!

Коллега сидел перед открытым чемоданом и молча смотрел на кучу вещей, наваленную на кровати.

Выяснилось, что в командировки его собирает жена, и он понятия не имеет, как упихнуть всё это в один чемодан. Он уже собирался звонить по этому поводу Матвею и даже взял трубку телефона. Так вот, чтобы не брать её дважды, ему было рекомендовано (отгадайте, кем?) позвонить в бар и заказать в номер бутылку виски и всё, к ней положенное. Что и было исполнено. Весело и непринужденно. Пока ждали заказ, босс широко раскрытыми глазами смотрел, как Матвей буквально ощупывает каждую вещь перед тем, как положить её в чемодан. Больше всего его поразило, что весь ворох вещей, включая его фото- принадлежности, уютно уместились в чемодане. Матвею даже не пришлось открывать «второй объем», называемый его дочерью «беременный чемодан».

- А что, так надо каждый раз осматривать? – благоговейно спросил босс, когда, убедившись в том, что «мин нет», Матвей закрыл чемодан и поставил на его молнию и замки свои «тайные» метки.

- Нет, только здесь. Колтан – вещь особая! Глаз да глаз нужен.

Утром, совершив процедуру выписки, где самой хлопотной операцией была оплата мини – баров, Матвей передал портье ту самую коробку с матрешкой. Он добавил также солидную купюру и попросил доставить коробку сегодня в 16-00 (их самолет вылетал в 14-15) по адресу, указанному на визитной карточке де Йонга.

Предварительно, еще в посольстве он проверил, что на визитке указан частный адрес в Лусаке.

Перелет, хоть и с пересадкой, до Москвы прошел благополучно. Не сильно помешали даже рога антилопы, всё-таки купленные генеральным директором в аэропортовском бутике. Рога счастливый любитель сафари хотел повесить в своем кабинете. Он даже придумал в самолете несколько «охотничьих» историй на эту тему, но Матвей унял его раж, красноречиво рассказав, что произойдет, если босс будет случайно увиден или, не дай Бог, сфотографирован прямо под рогами.

- Тебе рога не нужны? – тихо после этого спросил босс, но увидев реакцию Матвея, так же тихо молвил – Ладно, в бане повешу.

Дома легенда Матвея про «Казахстан» привычно «прокатила», поскольку жене и дочке понравились браслеты из «казахских» самоцветов, купленных в азиатском аэропорту пересадки.

На следующий день на служебном совещании босс развлекал сотрудников рассказами о крокодилах и мухах цеце, обещая выложить в Сеть свои фотографии. Хватило же ума у Матвея не быть там запечатленным!

И в бане загородного дома своего коллеги по африканской поездке они попарились, и повешенные на банную стенку рога антилопы импалы рассмотрели. Правда, фотографироваться под рогами с трехдульным ружьем босс Матвея категорически отказался.

На работе Матвей получил обещанную премию. И благодарность от своего знакомого из...жилконторы.

Тот рассказал, что извлеченные из слоника изотопные пластины используются в измерительных приборах при обработке редкоземельных металлов. Излучают они действительно не много. Каждая. Но когда их несколько в

одной упаковке и расположены они недалеко от человека, то могут спровоцировать у того онкологические заболевания.

- А слоника отдадите? – интеллигентно поинтересовался Матвей.

- Нет, - уж слишком резко ответил собеседник, - слоник уничтожен, как зараженный этой самой онкологией.

Матвей ему, конечно, не поверил. Ну, да Бог ему судья.

Не надеясь на правдивый ответ, Матвей всё же спросил:

- А как там источник де Йонга в наших высоких сферах? Тот, что давал информацию о нашей компании, её лицензиях и контактах на внешнем рынке? Можно работать спокойно?

До пяти успел досчитать в уме Матвей, пока его собеседник ответил:

- Врать тебе бесполезно. Правду не скажу. Знай одно – работа идет, и любое зло... Особенно, если этому процессу помочь. Ты – как?

Промолчал Матвей, хотя его собеседник тоже считал в уме.

На медаль Матвей не рассчитывал. Но ему было приятно, когда перед самым окончанием их встречи его знакомый, как-бы вскользь, рассказал о том, что недавно таможенные власти Таиланда задержали при попытке перевозки какого-то страшного, по их мнению, зелья высокопоставленного сотрудника известного международного концерна, занимающегося поставками сырья на рынок микроэлектроники.

- Таиланд известен своей решительной борьбой с наркотрафиком и суровым наказанием за ввоз этого зелья в страну. По нашим данным, руководство концерна отказалось от защиты своего сотрудника. Такие вот дела, Матвей. Да, кстати, из этой же серии. Тут подвернулся один случай, если интересно...

Но Матвею было не интересно. Пока.

